

Дмитрий Янковский

*Над облаками
дождей
не бывает*

серия R.E.L.I.C.T.

Дмитрий Янковский

Над облаками дождей не бывает

«Издательские решения»

2016

Янковский Д.

Над облаками дождей не бывает / Д. Янковский — «Издательские решения», 2016 — (R.E.L.I.C.T.)

Вторая книга серии R.E.L.I.C.T. Развитие технологий применения реликта меняет мир. А люди, чьи судьбы безвозвратно поменяло новое вещество, проявляют свои глубинные качества. В ком-то обнажается подлость и мерзость, а в ком-то героизм. Но Томасу Кроссману не просто выбрать сторону. Ему для этого понадобится череда жестоких столкновений с реальностью, в которых друзья и враги сами проявятся. Да и самому Кроссману придется измениться кардинальным образом.

© Янковский Д., 2016
© Издательские решения, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Над облаками дождей не бывает
Серия R.E.L.I.C.T.
Дмитрий Янковский

© Дмитрий Янковский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

в которой Рихард Шнайдер принимает руку помощи, совершает дерзкий побег из под стражи, и во плоти возносится на небеса.

Хмурый охранник грубо впихнул Рихарда Шнайдера в одиночную камеру, и только после этого расстегнул на нем цепи, сковывавшие руки и ноги поверх оранжевой робы.

– Злые вы, – пробурчал Шнайдер. – Нахрен вязать ни в чем невиновного человека, когда из вашей шараги и так не сбежишь?

– Молчать! – охранник красноречиво положил ладонь на рукоять резиной дубинки, висящей на поясе. – Мне разрешили, при надобности, из тебя все дерьмо вышибить. А у нас работа скучная, затей мало.

– Чего же ты паришься? – Шнайдер усмехнулся. – Не надо себе отказывать в удовольствии.

– Ты мазохист, что ли? – с некоторым недоумением поинтересовался охранник, снимая дубинку с пояса. – Или пидор? Недельку в тюрьме, а уже прикрасился?

– Если бы я был пидором, – резонно заметил Рихард, – я б твою маму не вертел во всех позах, а занялся бы твоим папой.

– Ах ты тварь! – Охранник замахнулся дубинкой.

Конечно, получать по хребту Шнайдеру совсем не хотелось, но еще меньше ему хотелось провести остаток дней в тюрьме, без суда и следствия, как какому-то долбанному графу Монте-Кристо. Особенно с тем учетом, что у графа на острове хранились лишь сраные сокровища, тогда как Шнайдер обладал источником вообще ничем не ограниченного богатства и власти. Но была неувязочка. Источник находился одном месте, надежно укрытый, к счастью, а сам Рихард в тюрьме, тоже надежно укрытый, но уже к сожалению. Конечно, Шнайдер с самого начала подозревал, что попытка открытого внедрения реликта на рынок добром не кончится, но чтобы до такого дошло в свободной стране, он не предполагал. Как-то привык он думать о ценности патентного права, о свободе предпринимательства. Но все это оказалось чушью, как только дело дошло до интересов национальной безопасности США.

Дубинка просвистела по воздуху, но Шнайдер оказался резвее тучного охранника, а потому первым нанес удар, попав здоровяку кулаком в лучезапястный сустав. Дубинка вылетела из руки, с глухим стуком ударившись в шершавую стену. На нары посыпалась штукатурка.

– Гад... – Здоровяк зашипел от боли.

Он уже готов был позвать подмогу, но Шнайдер чуть присел, и снизу, раскрытой ладонью, как копьем, ударил охранника точно в кадык. Здоровяк коротко хрюкнул, побагровел, выкатил глаза и попятился. Он бы, таким макаром, неизбежно оказался за пределами камеры, но ему не дали. Раздался треск мощного электрического разряда, и охранник снопом рухнул на пол, хлюпая глоткой, и пуская изо рта кровавую пену.

Как только тело здоровяка сползло на бетон, в проеме решетки Рихард увидел невысокого человека, облаченного в черный костюм низзя. Лицо незнакомца было закрыто черной повязкой, но, не смотря на явный диссонанс с окружающей обстановкой, Шнайдер не выказал ни малейшего удивления. К чему-то подобному он был готов сразу, как только осознал текст записки, полученной утром вместе с чистым бельем из прачечной. Там шла речь о помощи, предложенной господином Таидо Хокудо. Так что, на самом деле, не было ничего удивительного в тяготении владельца международной корпорации к обычаям пред-

ков. Пусть своих боевиков одевает хоть в ниндзя, хоть в облачения горных монахов-воинов, лишь бы им удалось устроить Шнайдеру обещанный побег.

Конечно, отказываться от помощи Рихард не стал. Страх был, но страх оказаться пойманным, избитым, даже казненным без суда, не шел ни в какое сравнение с ужасом возможного пожизненного заключения. Альтернативой могла стать только выдача секретов реликта агентам АНБ, но это было хуже смерти, хуже побоев и возможных увечий. Они с Томасом Кроссманом с самого начала решили, что лучше умрут, чем откажутся от подаренного судьбой шанса безбедно прожить остаток жизни. Несметные богатства и неограниченная власть не даются даром. Источник реликта им обоим достался даром, а вот за власть и богатство еще придется побороться какое-то время. Ради такого приза не жалко потерпеть.

– Уходим? – спросил Рихард у японца.

– Нет, мистер Шнайдер! – остановил его «ниндзя», демонстрируя заметный японский акцент. – Я скажу, когда можно.

Он шагнул в камеру. За ним, как тень, проскользнул еще один, одетый так же, но с автоматической винтовкой в руках.

– Когда можно будет идти, держитесь все время за спинами наших людей, – проинструктировал японец. – У нас есть сведения, что вас приказано лучше убить, чем выпустить. Могут работать снайперы.

Снаружи раздался шум. Рихард быстро сообразил, что люди Хокудо открыли камеры на втором этаже, и теперь толпа озлобленных заключенных, большая часть из которых арабы, заполонила все пространство, и ринулась вниз по гремящим металлическим трапам. Грохнули ружейные выстрелы, раздался рев разъяренной толпы, и выкрики «Аллах акбар». Люди в оранжевых робах мелькали в проеме открытой решетки, но, заметив двух боевиков в черном, заключенные предпочитали без остановки мчаться дальше, спасать собственные шкуры, или идти на помощь товарищам.

– Вперед! – приказал японец.

Рихард перескочил через металлический порог камеры. Снаружи ждали еще двое в черном, тоже с винтовками. Они выстроились ромбом, в центре которого оказался Шнайдер, и, закрыв его собственными телами, повели прочь от лестниц. Стало ясно, что пленника собираются вывести не тем же путем, каким ринулись арестанты. Время от времени, в тених за колоннами, в бетонных нишах и в опустевших камерах, можно было заметить боевиков Хокудо, вооруженных штурмовыми автоматами с глушителями. Рихард насчитал их не меньше десятка. Похоже, непонятно как попав на территорию тюрьмы, они предварительно зачистили от охраны весь второй этаж.

Зато внизу кипели нешуточные страсти. Взвыла серена, по стенам, разрубая темноту ночи, заматались лучи прожекторов, слышались гулкие ружейные выстрелы, хлопки пистолетов и треск автоматных очередей. В узких зарешеченных оконных стеклах отражались вспышки. Но гул толпы, разливающийся по коридорам и по двору, говорил, что, не смотря на потери, заключенные не намерены отступать. Арабов, большинство которых были задержаны за причастность к терроризму, не пугала смерть. Они, оскалившись и выкрикивая имя своего бога, шли напрямик на плюющиеся свинцом стволы, живой рекой сметая ряды охраны. Остановила арестантов только стена, и тут началась настоящая бойня. По ним били с четырех вышек короткими прицельными очередями, каждая пуля, разогнанная почти до тысячи метров в секунду, прошивала не одно тело, а сразу два или три, чиня в рядах заключенных разорение. Раскаленные гильзы, сверкая в лучах прожекторов, потоками сыпались вниз. Вот только никто не отхлынул назад под огнем. Исчерпав боезапас, стрелки на вышках вынуждены были превратиться в безучастных свидетелей происходящего. А толпа, уже не встречая отпора, принялась вылить решетчатые электрические мачты, чтобы по ним подняться на гребень стены.

Но Шнайдера не повели вниз. Напротив, добравшись до лестницы, ведущей на крышу, японцы помогли беглому заключенному взобраться по ней. Часть боевиков Хокудо вслед за Шнайдером поднялась на крышу, но часть вынуждена была открыть огонь по отряду охраны, вырвавшемуся из верхнего караульного помещения. шарахнуло взрывом гранаты, затем раздались еще несколько очередей.

«Денег на обучение бойцов Хокудо не пожалел» – отметил про себя Шнайдер.

Оказавшись под открытым небом, на господствующей высоте, боевики, для уверенности, точным огнем заставили залечь стрелков на вышках, хотя те, на взгляд Шнайдера, уже опасности не представляли. Возможно, японцы не хотели лишних свидетелей, чтобы их показания потом не вывели на. Действовали они хладнокровно и слаженно, обмениваясь лишь негромкими фразами по-японски.

«Мало в них человеческого», – с содроганием подумал Рихард.

Он вдруг в полной мере осознал, что теперь ему придется иметь дело с начальником этих бойцов. Вряд ли в самом Таидо Хокудо больше человеческого, чем в его верных псах. Но выбирать не приходилось. Надо вырваться, а там уже можно что-то придумать. Еще немаловажной была судьба Томаса Кроссмана. Если его тоже взяли, и раскололи, то всей затее конец. Стоит властям узнать, что реликт не синтезировали, а добывали из таинственного, непонятно как возникшего, источника, они найдут способ до него добраться и объявить национальным достоянием. Тогда весь мир окажется на коленях перед Штатами, тут уж и к гадалке ходить не надо. Но Рихарда больше волновала не судьба мира, а что он сам останется без выданных судьбой привилегий, не сумев их реализовать.

Вертолета на крыше не было. То ли он улетел, то ли «нинзя» попали в тюрьму не по воле духу. Впрочем, если бы над тюрьмой завис вертолет, это бы не осталось незамеченным для охраны, и тревогу подняли бы значительно раньше. Но зачем тогда надо было пленника поднимать наверх? Впрочем, Шнайдеру не долго пришлось теряться в догадках. Всего через несколько секунд он увидел, как один из японцев отстегнул от петли в массивном бетонном кубе тонкий тросик, убегавший в затянутое тучами ночное небо. Но ни свиста вертолетной турбины, ни каких-то других звуков слух так и не уловил.

«Аэростат!» – мелькнула в голове Шнайдера почти безумная мысль.

– Вам придется надеть кислородный аппарат, – один из японцев протянул Рихарду силиконовую маску и небольшой баллон, соединенные гофрированным шлангом.

Другой обернул вокруг талии крепкий пояс с пристяжным карабином.

– Ничего не бойтесь, ничего не делайте, – велел японец. – Лебедка вас сама поднимет по программе декомпрессии.

– Это какая же там высота, что нужна декомпрессия? – удивился Шнайдер.

– Не волнуйтесь, чуть больше пяти километров.

– А ниже нельзя было зависнуть?

– Был бы слышен шум моторов системы стабилизации. Все, давайте!

Он пристегнул тросик к поясу, помог надеть маску, после чего что-то сказал по-японски в крошечный микрофон гарнитуры. Трос натянулся, и увлек Рихарда в зияющее темнотой небо.

«Срань господняя!» – подумал он, боясь посмотреть вниз.

Вскоре его окутала настолько плотная темнота, что захотелось закрыть глаза. Сердце колотилось, едва не выпрыгивая из груди, по всему телу пробежала неприятная дрожь. Через несколько минут сверху послышался гул работающих двигателей. Шнайдер открыл глаза, посмотрел вверх, но ничего не увидел, кроме алмазной россыпи звезд по черному бархату неба. Внизу, особенно вблизи городов, никогда не увидишь ни таких ярких звезд, ни столь черного неба. Млечный Путь полыхал сияющей полосой, расчерчивающей небесный свод от края до края.

Наконец, стало возможным различить темную тушу аэростата. Ходовые огни небесного корабля были выключены, и его вообще было бы не разглядеть, если бы он не заслонял собой звезды. Не смотря на полное, как казалось, отсутствие ветра, аэростат то и дело добавлял мощности маневровым моторам, удерживающим его на одном месте относительно земной поверхности.

Через минуту лебедка втянула Шнайдера в люк, где его приняли и отстегнули от тросика двое японцев, одетые не как ниндзя, но тоже в черную униформу, похожую на униформу солдат. На шевронах у каждого красовалась эмблема. Отсек был едва освещен красными светодиодными лампами, но когда один из японцев снял с беглого арестанта кислородную маску, и повел по коридору в носовую часть корабля, стало светлее.

Японец остановился у одной из дверей в алюминиевой переборке, и жестом велел Шнайдеру сделать то же самое. Затем нажал кнопку переговорного устройства у двери, и что-то сказал по-японски. Дверь отворилась, открыв взгляду довольно большой кабинет с окном во весь борт. Днем за ним должны были открываться превосходные виды, но пока удавалось различить только острые льдинки звезд. У окна стоял стол, по бокам длинные кожаные диваны, каждый человек на десять, не меньше. За столом сидел сам мистер Таидо Хокудо, его трудно было не узнать.

– Проходите, мистер Шнайдер, – любезно пригласил он.

Рихард перешагнул порог, и дверь за его спиной закрылась.

– Пожалуйста, присаживайтесь, – велел господин Хокудо.

Шнайдер сел, ощущая себя не в своей тарелке. Происходящее выходило за всякие рамки разумного. Трудно было ожидать, что вызволять заключенного из тюрьмы пожалеет сам глава корпорации. А если сюда сейчас прилетит звено истребителей, и посадит дирижабль на ближайшей военной базе? Думать об этом не хотелось, но интересно было, каково мнение мистера Хокудо по данному вопросу.

– Глупо чувствую себя в этой робе. – Шнайдер потрепал край оранжевого рукава, не представляя, что еще можно сказать.

– Скоро у вас будет возможность переодеться, и привести себя в порядок, – уверил гостя японец. – Но пока поднимаются мои люди, которым вы обязаны освобождением, я бы хотел познакомиться с вами, и оговорить, если так можно выразиться, протокол наших дальнейших отношений.

– Не вижу препятствий. – Шнайдер сел на диван. – Хотя, мне трудно назвать происходящее освобождением. Скорее это побег.

– В настоящий момент да, – согласился Таидо. – Но задачей нашего сотрудничества является перелом ситуации в нашу пользу. Вообще, прежде чем предлагать военным невиданную и недорогую броню, вам следовало бы заручиться поддержкой влиятельных людей в мире большого бизнеса.

– Вроде вас, – без тени иронии уточнил Шнайдер.

– До меня вы бы сразу вряд ли добрались. Но я бы о вас узнал, если бы вы искали контакты. Я о вас и так узнал, но это заняло лишнее время, которое вам пришлось провести в тюрьме. Сожалею.

– Ничего. Не умер. Я так понимаю, что вы хотите от меня секрет реликта за свои усилия?

– Я уверен, что никакого секрета нет, – спокойно ответил господин Хокудо. – Я думаю, что все ваши рассказы о синтезе нового вещества, не более, чем уловка для общественности. Таким образом вы хотели скрыть, как получаете реликт на самом деле. Вы думали, что предоставив военным нечто незаменимое, к примеру, вашу броню, вы обеспечите себе безопасность, так как никто, кроме вас, произвести такой продукт не сможет. Но вы ошиблись.

– Я понадеялся на честность властей.

Таидо улыбнулся.

– Опрометчиво, не правда ли? – спросил он. – Стоило вам устроить презентацию брони и работающего реликтора, власти тут же обратили на вас внимание, поняли, что открытие реально, а не является чьей-то выдумкой, и взяли вас под белы ручки. Это вполне ожидаемо.

– У них бы все равно не получилось выбить у меня секрет получения вещества, – уверенно заявил Шнайдер. – И у вас не получится.

– Знаю, – спокойно ответил мистер Хокудо. – Потому что предполагаю, откуда ноги растут. Давайте я туманно выскажу свою мысль, чтобы не вводить вас в излишнее замешательство?

– Ну, попробуйте.

– Есть два варианта. Либо никто, кроме вас лично, не сможет получить реликт, либо вы нашли источник нового вещества в очень странном месте, в котором нарушены физические законы.

«Ни хрена себе! – пронеслась мысль в голове Рихарда. – Да он, похоже, знает об этом больше меня самого! Неужели Кроссман сдал тему?»

– Ээээ... Можно я воздержусь от ответа? Вы меня несколько ошарашили.

– Я вас еще больше ошарашу, – с улыбкой ответил Таидо. – Если речь идет о первом варианте, то мои люди прямо сейчас выкинут вас через тот же люк, через который вы сюда прибыли. И к утру ваше тело найдут в тюремном дворе среди тел других заключенных. И никто никогда не узнает, что именно произошло, а у меня не останется нежелательных конкурентов.

«Нет, не Кроссман, – судорожно размышлял Рихард. – Если бы Томас нас сдал, этот узкоглазый хрен не перебирал бы варианты».

– Если же окажется верным второй вариант, – продолжил Таидо, – то вы обретете верного и могущественного партнера, способного решить ваши проблемы, и создать их вашим врагам в таком объеме, который не переварит даже правительство Соединенных Штатов.

– Не громко ли сказано?

– Если брать меня и мою корпорацию, то громко. Но если прибавить к этому уравнению фактор реликта, то в самый раз.

«На мировое господство прицелился, хрен узкоглазый», – с неприязнью подумал Шнайдер.

– Я так понимаю, что про наши разработки вы узнали из презентации в Нью-Йорке? – уточнил он.

– Не только. На вас сразу обратили внимание военные, а у меня там полно источников. Американские военные, к счастью, весьма далеки от понятий самурайской чести. Я знаю и про поглощающие свойства реликта, и про ваши опыты с генерацией электричества. Весьма успешные, да. И я, в отличие от всех, кому вы задурили голову, прекрасно знаю, что на Земле такого вещества возникнуть не могло, поскольку оно нарушает множество физических законов.

– Ничего оно не нарушает, – возразил Рихард. – Оно не берет энергию ниоткуда. И не отправляет ее в никуда. Мы с Кроссманом пришли к выводу, что реликт напрямую взаимодействует с физическим вакуумом.

– Но ни одно известное вещество делать этого не может, – заявил Таидо. – Так что это пустой спор. Поверьте, я о таинственных явлениях знаю намного больше, чем вы с Кроссманом, и чем большинство людей на Земле. Так что не надо прикидываться дурачком. Это не в ваших интересах, господин Шнайдер. Если вы думаете, что являетесь единственными, кто столкнулся с необъяснимым, то глубоко ошибаетесь.

Он выдвинул ящик стола, достал из него гнутую ложку, так поразившую в свое время Мэтью и Ханта, разжал пальцы, и оставил ее висеть в воздухе.

– Ни фиги себе! – Шнайдер присвистнул. – Что это?

– Примерно то же, что и реликт, как мне кажется.

– Не понимаю.

– Эта ложка осталась на месте очень необычного природного явления. На месте возникновения некой аномалии. Аномалия прошла, но ложка сохранила свои свойства, и хранит их с прошлого лета. Скорее всего, вы нашли источник реликта на месте другой, но очень похожей, аномалии. Там ведь было что-то необычное, кроме самого реликта?

Шнайдер замер, вспомнив, как остекленела трава и тростник рядом с лужей блестящей субстанции. Его ум лихорадочно работал, пытаясь выйти из ситуации с наименьшими потерями. С другой стороны, япощка так много знает, что это может оказаться полезным при внедрении разработок на основе реликта. Это не говоря уже об инвестиционных возможностях Хокудо, авторитете, и влиянии на всю экономику азиатско-тихоокеанской зоны.

– В принципе, вы мне вообще не очень нужны, – признался Таидо. – Несколько дней назад нам удалось освободить Томаса Кроссмана, а он о способах работы с реликтом знает много больше вашего.

– С чего вы взяли? – Шнайдер напрягся.

– У меня хорошие психологи. Они оценили ваше поведение на нью-йоркской презентации, ваше взаимодействие с Кроссманом, кто когда брал слово, на каких местах запинался...

– Понятно. Простите.

– Так вот. Я могу, без вреда для дела, выкинуть вас за борт, закрыть это дело, привлечь на свою сторону Кроссмана, и стать полноправным монополистом на все технологии, связанные с реликтом.

– Что же вам мешает так поступить?

– Неуверенность. Существует не один, а два варианта происхождения реликта. И хотя они оба связаны с аномалией, последствия у них разные. Кто-то из вас, вы или Кроссман, могли столкнуться с аномалией, и обрести способность либо создавать реликт с нуля, либо превращать в него легкодоступное вещество. Возможно, любое вещество.

– Смеетесь? – Рихард удивленно поднял брови.

Мистер Хокудо бросил взгляд на монитор ноутбука, и заметно расслабился.

– Отлично! – с довольным видом произнес он. – Мои психологи, наблюдающие за разговором, сообщили, что ваше удивление было искренним. Это значит, что вы не можете делать реликт из воздуха. Тогда остается единственный вариант. Вы нашли источник реликта на месте возникновения аномалии.

Шнайдер постарался максимально сосредоточиться, чтобы не выдать себя, но понял, что это бесполезно. Современные системы распознавания мимики, а они, безусловно, имелись в распоряжении, работают не хуже, а лучше обыкновенного контактного полиграфа.

Бросив взгляд на монитор, мистер Хокудо вздохнул.

– Плохо... – озвучил он свою мысль. – Вы нашли источник. И, поскольку вы не выезжали за границу, значит, нашли вы его на территории Соединенных Штатов.

– Чем это плохо? – осторожно спросил Шнайдер.

– Многим. Источник реликта привязан к местности, находящейся под юрисдикцией США. Если бы мы могли получить реликт где угодно, мы бы просто объявили его открытием корпорации, и смогли бы отстоять патентное право. Но этот путь, к сожалению, невозможен. Где находится источник? К нему есть доступ, или он под охраной спецслужб?

– Под охраной, – Шнайдер понял, что дальше юлить не в его интересах. – Я нашел его рядом со своим заводом, производящим композитные материалы. Потом мы расширили территорию, чтобы источник оказался внутри ограждения. Построили саркофаг с люком

из реликта, его взломать даже теоретически невозможно. Сверху соорудили трансформаторную станцию. А установку, имитирующую синтез, разместили в другом корпусе.

– Вы думаете, никто не добрался до источника?

– Для этого им не только пришлось бы пробить шесть футов железобетона, но и предварительно понять, что под этим бетоном что-то есть. Все ведь уверены, что мы синтезировали реликт. Из меня на допросах пытались вытянуть технологию.

– Это чуть улучшает ситуацию, но ненамного, – признался мистер Хокудо. – Хорошо, что источник в безопасности, и никто не догадается, что вы добывали реликт, а не синтезировали. Но мы сами не можем добраться до реликта, чтобы запустить в производство реликторы под маркой, это очень плохо. Это бы решило ситуацию. Мы бы выдрали тогда приоритет у США, сделали бы реликторные технологии достоянием человечества, а вас, мистер Шнайдер, законным монополистом в этой области. Но раз источник не найдут, у нас есть время.

– Время ничего не дает, если нет продуктивных идей.

– Идеи тоже есть. Мы сначала заберем на борт мистера Кроссмана, а потом я вас обоих познакомлю с одним неординарным русским, который, если мы его заинтересуем, очень поможет нам решить задачи, кажущиеся неразрешимыми.

Гнутая ложка, как ни в чем ни бывало, продолжала висеть в воздухе.

«Она действительно похожа на реликт, – мысленно согласился Шнайдер. – Совершает работу по противодействию гравитации, но не использует при этом привычных источников энергии».

– Мы не на дирижабле, – выпалил Шнайдер, решив сыграть ва-банк.

Мистер Хокудо вздрогнул, затем взял себя в руки и вздернул брови, изображая недоумение.

– В каком смысле? – уточнил он.

– Я прикинул общий объем корабля, сопоставил с объемом виденных мной внутренних помещений, и могу с уверенностью заявить, что оставшегося для газа объема не хватит на удержание в небе такой махины за счет одной только архимедовой силы. У вас не только ложка летает. У вас антигравитационный привод на борту. Именно он удерживает корабль в воздухе. И не потребляет при этом энергии, как и ложка.

– Выходит, мы обменялись секретами.

– Нет. Я вам свой выдал, а по поводу вашего могу лишь строить предположения. Вы нашли нечто вроде реликта. Так? Вещество, на которое не действует гравитация?

– Не совсем так, но близко, – оценил мистер Хокудо. – Только это не вещество, а человек. Человек, способный что угодно заставить подняться в воздух. В чем-то он подобен аномалии, о которой я говорил. Но, если ложка существует лишь в единственном экземпляре, то приводы Шерстюка можно клепать на заводе, по чертежам.

– Приводы кого? – севшим от удивления голосом спросил Шнайдер.

– Олега Шерстюка. Это русское имя. Скоро вы познакомитесь и с ним, и с его открытием. Оно сродни вашему, оба могут в значительной мере усилить друг друга. А вообще, мистер Шнайдер, вы мне понравились. Я не буду вас выкидывать за борт. Вас проводят в каюту. Отдыхайте, скоро надо будет встречать мистера Кроссмана.

Шнайдеру не понравилось, что его, оказывается, решили вызволить из тюрьмы лишь после освобождения Кроссмана. Рихард считал реликт собственным достоянием, ведь именно он наткнулся на источник в лесу. Кроссман тоже внес некоторый вклад в исследование нового вещества, так как именно ему удалось получить его измененную форму, но это не делало Томаса первым лицом в «Реликт Корпорешн». К тому же, принцип получения из реликта электрической энергии являлся результатом стечения обстоятельств, а не долгой кропотливой работы. Более того, Шнайдер, а не Кроссман, получил удар током от первого

заработавшего реликтора. В общем, подход Таидо Хокудо, согласно которому Кроссман считался более значимым для проекта, чем Шнайдер, казался Рихарду до крайности несправедливым. И эту ситуацию надо как можно скорее менять, иначе шуточки в стиле «выкинуть за борт», могут, со временем, перестать быть шуточками.

Через два часа Таидо Хокудо разрешил Шнайдеру встретить Кроссмана в транспортном отсеке. Увидев друг друга после недельной разлуки, они обменялись рукопожатиями. В отличие от Шнайдера, недавно сменившего тюремную робу на рубашку и джинсы, Томас выглядел свежим и отдохнувшим, был облачен в дорогой костюм, и пахло от него не менее дорогим одеколоном.

– Ты словно с приема у президента! – рассмеялся Рихард.

– Это ты загнул! – с улыбкой ответил Томас. – Но, надо признать, гостеприимство господина Хокудо просто зашкаливает. Хотя сговорчивым его трудно назвать. Три дня ему доказывал, что без тебя мы не справимся.

– В смысле? – Шнайдер напрягся.

– Он пытался меня уверить, что тебя лучше оставить в тюрьме, мол, ты никакого реального вклада в проект внести не можешь, а организатор и администратор он получше тебя.

– Ну да. Мне он вообще сказал, что собирался меня за борт выкинуть.

– Шутишь?

– Я нет, а вот шутит ли он, я пока без понятия. В любом случае спасибо, старик, что замолвил словечко.

– Ты бы поступил точно так же! – подмигнул ему Кроссман.

Молчаливый японец в черном показал друзьям выделенную им каюту. Она оказалась двухместной, но, после недели в одиночной камере, Шнайдер этому скорее обрадовался, чем огорчился. К тому же места внутри хватало, две кровати располагались у противоположных стен, разделенные широким проходом. У каждой кровати имелось по тумбочке, у дальней стены стол, который можно было сложить при желании, электрическая плита, холодильник, бар, и даже душевая кабина за отдельной дверью.

– Отличное место! – Кроссман потер руки и плюхнулся на кровать поверх одеяла.

Шнайдер предпочел оседлать табурет.

– Тебя тоже со штурмом освобождали? – поинтересовался Рихард.

– Нет, выкупили.

– Серьезно? Я думал, тебя еще строже держали, чем меня. У тебя в голове все данные для обработки реликта, не у меня.

– Меня и прессовали. Тебя-то в тюрьму упекли, просто чтобы обезглавить «Реликт Корпорешн». Потом пустили бы ее с молотка, давая военным возможность построить компанию в систему военно-промышленного комплекса.

– Не только. Пытались выбить технологию получения реликта.

– Из меня тоже.

– И как же тебя тогда отпустили? Просто за деньги Хокудо? Звучит странно.

– Не хочешь принять душ? Можем вместе помыться?

– Шутишь, старик? Меня сегодня второй раз пытаются уличить в пристрастии к гомосексуальности. Но я не по тем делам.

– Ну, как хочешь. А я пойду. Дверь закрывать не буду, если надумаешь.

Шнайдер фыркнул, и с непониманием глянул на друга. Тот, как ни в чем ни бывало, разделся до трусов, и скрылся за дверью душевой кабинки. Вскоре оттуда послышался шум воды.

Рихард задумался. Раньше ничего подобного за Томасом он не замечал. И уж, тем более, не поступало от него никаких скабрёзных предложений. Может, за неделю заключения он к этому пристрастился? Хотя, что-то сомнительно. Рихард забеспокоился.

С одной стороны он заподозрил, что к гомосексуальным утехам фраза Кроссмана отношения не имеет, с другой, не хотелось лезть голым под душ к другому голому мужику.

«Если только не ради спасения жизни», – подумал Шнайдер.

И тут до него дошло. Шум воды! В душе шум воды не позволит нормально работать ни одному подслушивающему устройству! Помехи будут громче голоса, их не отфильтруешь. Вот чего хотел Томас! Поговорить без чужих ушей!

Не задумываясь больше ни секунды, Шнайдер стянул с себя одежду, и распахнул дверь душевой. Кроссман глянул на него, и подмигнул. Выглядело это самым пошлейшим образом.

– Забирайся, что ты девочку из себя строишь! – Кроссман подвинулся.

Шнайдер залез под струи воды, а Томас прошептал ему в самое ухо:

– Додумался, молодец. Хокудо обладает какими-то запредельными технологиями. Сродни твоему реликту. У меня есть теория на этот счет.

Он отодвинул губы от уха Шнайдера и сказал намного громче, уже для прослушивающей аппаратуры:

– Ну вот, смотри как хорошо. А ты стеснялся. Только давай чуть помедленнее.

– Ты долбанный извращенец, – ответил Шнайдер.

– Короче, – Томас опять перешел на шепот. – Кажется, Хокудо исследует странные, аномальные места. В одном из таких мы с тобой наши реликт. Вспомни, какая там была трава и тростник. Но оно не единственное. В каждом из таких мест нарушаются физические законы, и остается что-то невообразимое. Хокудо показал мне ложку...

– Я ее видел, – шепотом ответил Шнайдер. – Я уверен, что и его дирижабль держит подобная сила.

– Именно. Но не только. Если аномалия воздействует на человека, он тоже обретает необычные свойства. Работу одного такого аномально продвинутого я видел лично. Хокудо думает, я не понял, что к чему. Он уверен, что я съел его версию о выкупе. Но это бред. У них есть человек, способный внушать кому угодно, что угодно. В любых пределах. Он может сформировать другую реальность, и ты ее от настоящей не отличишь. Они мне внушили, что выкупили меня, а охране АНБ внушили что-то другое. В результате я здесь. Этот парень, суггестор, он русский. По акценту понятно. У него сложное имя, то ли Шесток, то ли Шестук.

– Мне Хокудо тоже про русского говорил. А на какую площадь действуют иллюзии этого русского?

– Там территория радиусом около двух километров. Они спокойно вошли и спокойно вышли. Никто не почесался даже. Стоны издай какие-нибудь, поохай, для звука. А то тишина может подозрения вызвать.

Они оба издали несколько сладострастных стонов.

– У Хокудо есть какой-то план, – предположил Шнайдер. – Он этого русского хочет использовать как-то, чтобы установить контроль над источником реликта. Он мне это почти открытым текстом выдал, после того, как показал летающую ложку.

– Нас загипнотизировать?

– Нет. Мы ему зачем-то нужны. Возможно, он не хочет сам впрягаться в этот хомут, собирается руководить всем из тени.

– Нам это на руку, – ответил Кроссман.

– А какова будет цена?

– Пока Хокудо не озвучит, не поймем. Но без него нам вообще останется только дырка от пончика. Придется идти на какие-то уступки. А там выкрутимся.

Они еще покряхтели немного, для достоверности, потом Кроссман сказал, что кончил, поблагодарил Шнайдера, и первым покинул душевую кабину. Рихард остался один, и не без удовольствия отмыл тело от грязи, а память от осадка тюремных воспоминаний.

– Теперь можно и поспать, – сообщил он, вернувшись в каюту.

Кроссман уже забрался под одеяло, и задумчиво пялился в потолок.

– Тогда туши свет, – попросил он.

Рихард погасил диодный светильник, снял покрывало, и тоже устроился под одеялом. После тюремного недосыпа и ночных допросов было необыкновенно приятно лежать на мягкой кровати. Рихард позволил себе расслабиться, понимая, что скоро придется очень сильно напрячься. Предстояла нелегкая битва за будущее. Битва с обстоятельствами, со злой волей конкурентов, битва за долю с Хокудо, и битва с правительством за саму жизнь.

Вскоре он провалился в глубокий сон, глухой и черный, без намека на сновидения. Так, высоко над землей, в безмятежном пространстве выше облаков, он проспал до утра.

Глава 2

в которой Олег Шерстюк показывает член американским летчикам, а Рихард Шнайдер и Томас Кроссман заключают соглашение с господином Хокудо.

И без того хмурое утро над авиабазой омрачил вой сигнала тревоги, который застал командира дежурных средств истребительного звена Дена Стакера за игрой в пинг-понг.

– Вот, зараза! – воскликнул Стакер, пропуская очко, и откладывая ракетку. – Это не считается!

– Все считается! – ведомый пилот Макс Донаван тоже бросил ракетку на стол, и погрозили командиру пальцем. – В бою все считается, и за столом все считается. Продолжим по возвращению, а пока двенадцать-пятнадцать.

Они оба покинули игровой зал. Солнце уже взошло, но с трудом пробивалось через толстую пелену туч. Стакер привычно бросил взгляд на бело-красный «колдун», оценивая направление и силу ветра, после чего они с Донованом рванули к ангару.

– Время, время! – подогнал полковник Сависки, издав издали увидев спешащих к нему Донована и Стакера.

Он выразительно постучал пальцем по циферблату наручных часов.

– Начальство не опаздывает, начальство задерживается! – на бегу отшутился Стакер.

Они с Донованом поспешили в помещение, где хранились противоперегрузочные костюмы. Сависки не отставал ни на шаг.

– Это ты русским расскажи! – одернул он Стакера.

– Что, опять русские? – пробурчал Донаван. – Скоро они к нам на барбекю летать будут. Наземные ПВО что, совсем не работают?

– Это не нашего ума дело, – ответил полковник. – Цель на радаре высоколетящая, низкоскоростная. Остальное нас не касается.

– Ясно. – Донаван успокоился. – Аэростат. Метеорологический зонд залетел из Канады. Бывало уже такое.

– При южном ветре, да мило, – полковник усмехнулся. – И размерчик... Ладно, кроме шуток, хотя это секретная информация, но вам лучше знать. Ночью случился бунт в тюрьме. К утру его подавили, сосчитали трупы, и не досчитались одного поганца. При этом один из выживших охранников, стоявший в карауле на вышке, клянется, что видел, как арестанта в оранжевой робе некая сила унесла в небо. При этом не было слышно никаких звуков, какие может издавать вертолет. Я не верю в ангелов, которые спускаются с небес, и во плоти забирают эков из тюрем. К тому же, всего через полчаса, наземные ПВО сообщили о движении цели, очень похожей по параметрам на здоровенный дирижабль. На связь объект не выходит, а сбить его не представляется возможным из-за высоты, на которой он движется. Не добируют туда ракеты. Так что вам, работать.

– Даже интересненько, – прикинул Стакер. – Держопели валить нам еще с Максом не приходилось.

Они, оставив полковника в ангаре, перебрались на взлетку, куда тягачи уже выкатили два истребителя F-22 с черными крестами трефовых тузов на фюзеляжах. Как только техники убрали все кабели и шланги наземного обслуживания, Стакер и Донаван забрались на свои места и устроились в креслах. Они подключили шланги противоперегрузочных костюмов к бортовой пневматической системе, загрузили программное обеспечение, проверили связь.

– Танго первый Танго второму, есть связь? – произнес Стакер.

– Я бы предпочел связь с длинноногой блондинкой, – ответил в эфире Донаван. – И не по радию, а в мягкой постельке. Но тебя слышу, оцениваю связь в пять баллов.

– Принял, – ответил Стакер.

Он проверил работу двигателя, удерживая на тормозах самолет, качающийся от мощной тяги, затем пробежал взглядом по индикаторам боекомплекта.

– Танго первый к взлету готов! – доложил он в диспетчерскую.

– Танго два к взлету готов!

– Взлет разрешаю! – донесся в эфире голос диспетчера.

Летчики врубили форсаж, воздух содрогнулся от грохота, самолеты сорвались с места, и один за другим взмыли в затянутое тучами небо.

Пробив облачный слой, оба истребителя быстро набрали высоту десять тысяч метров, и вышли на крейсерский эшелон. Минут через десять бортовой радар выдал метку.

– Вижу цель на радаре! – сообщил Стакер. – Дистанция сто двадцать миль. Скорость порядка пятидесяти узлов. Очень медленная. Точно дерижопель. И отражающая поверхность – будьте нате.

Он доложил на землю, получив в ответ указание выйти на связь с пилотом неопознанного летательного аппарата. Но сколько летчики ни делали попыток, в эфире им никто, кроме диспетчера, не отвечал. Попытки пришлось оставить ввиду отсутствия результата. Оставалось лишь установить визуальный контакт, потом серией маневров донести до экипажа мысль о необходимости посадки. Дистанция сокращалась быстро, за час истребитель проглатывал восемьсот километров на самом щадящем режиме, так что двести километров для него вообще не были помехой, меньше двадцати минут на подлет.

– Наблюдаю цель визуально. – голос Донована, прозвучавший в эфире, вывел Стакера из задумчивости. – Они нас тоже засекли, набирают высоту. Довольно резво для дирижабля.

– У нас потолок десять миль, нельзя дать им подняться выше. Пройди над ними, покажи, что запрещаешь дальнейший подъем. И все же попробуй вызвать их по радию.

Оба самолета, описав широкую дугу и оставляя за кончиками крыльев струи конденсированного пара, отклонились к востоку, чтобы первый заход сделать со стороны солнца. Вероятность атаки была крайне низкой, медлительный воздушный корабль не выглядел угрожающим, напоминая ленивого белого кита, зависшего над облаками и греющегося на солнце. Но бдительность терять было нельзя, да и нарушать инструкции не следовало.

– Разделились! – приказал Стакер.

Сам он провел самолет ниже дирижабля, а Донаван, наоборот, выше, трижды махнув крыльями, для большей заметности. Но никаких реакций со стороны экипажа воздушного корабля не последовало. Он продолжал следовать прежним курсом и набирал высоту.

– База, я Танго первый, – передал Стакер. – Экипаж дирижабля на призывы к снижению не реагирует. На связь не выходит, никаких сигналов не подает, опознавательных знаков не имеет. Даже бортовых огней, кажется, нет.

– Произведите предупредительный выстрел! – ответили в эфире.

Стакер, морщась от навалившейся перегрузки, произвел боевой разворот, и вышел на атакующий курс. Отведя прицел в сторону, он дал очередь из авиационной пушки. Тридцатимиллиметровые снаряды унеслись в пустоту, оставляя за собой повисшие в воздухе дымные трассы.

– Он не может слишком высоко подняться, – предположил Донаван. – Рекорд высоты для дирижаблей что-то около семидесяти тысяч футов.

– Толку мало. Если нам не позволят его сбить, что мы с ним делать будем? У нас топливо кончится, а он как шел, так и продолжит идти.

– Нас не сбивать его послали, а посадить.

– И как ты собираешься это сделать?

Самолеты развернулись по большому радиусу, чтобы снизить перегрузки, и снова зашли на цель. Никакой реакции со стороны экипажа дирижабля по-прежнему не было.

– Они не реагируют на предупредительный выстрел, – сообщил Стакер на базу. – Какие наши дальнейшие действия?

– Открывайте огонь на поражение! – отдал команду диспетчер.

– Замечательно... – пробормотал Стакер, отключив микрофон. – Тогда успеем вернуться к завтраку.

Он дважды прошел над дирижаблем, стараясь держаться как можно ближе к его обшивке. Внутри не заметить этого было никак нельзя – самолет проносился с грохотом и свистом, а поток раскаленных газов из двигателя бил в борт воздушного корабля и ненадолго отклонял его с курса. Но капитан упрямо выравнивал дирижабль.

– Танго два, прикрой, захожу на атакующий курс! – сообщил Стакер.

– Принял!

Стакер поймал приближающийся дирижабль в прицел, и долбанул по нему очередью из пушки. Пули, оставляя трассирующие дымы, без труда прошли обшивку, за ней переборки, растяжки, все, что там могло быть, и, уже кувыряясь, но, почти не потеряв в скорости, размолотили противоположный борт. Дирижаблю ведь много не надо, ему достаточно пробить полость с газом, и он сам постепенно снизится, хочет того экипаж, или нет. Но, к удивлению Стакера, все происходило не так быстро, как хотелось бы. Дыры в борту зияли, особенно заметны были выходные отверстия, но воздушный корабль продолжал держать курс, и набирал высоту, вместо того, чтобы ее терять.

– Танго первый, что происходит? – спросил в эфире диспетчер.

– Есть попадание! – сообщил Стакер.

Наконец, вроде бы, дирижабль прекратил набор высоты, но и опускаться не думал.

– Добавим! – приказал Стакер.

Они с Донаваном сделали еще три захода, молотя из пушек. Снаряды выдирали из обшивки клочья, а что внутри творилось, страшно было подумать. Дирижабль начал приобретать заметный дифферент на нос и пошел на снижение.

– Вот это другое дело! – обрадовался Донован. – А то что-то странное он творил.

– Инерция большая, – объяснил Стакер. – И наверняка, там в газовой полости защитные перегородки. Впрочем, уже без разницы.

– Может еще пройтись? – спросил Донаван.

– Не надо. Так скорость снижения приемлемая, может выживут при падении, их возьмут в плен, а нам дадут по медали.

– Я бы предпочел премию, и отпуск.

– Поддерживаю. База, я Танго первый, мы можем возвращаться?

– Проводите цель до отметки в три тысячи футов. Дальше ее возьмут под наблюдение наземные службы.

– Принял, – со вздохом ответил Стакер. Потом добавил, отключившись от эфира: – К завтраку хрен успеем.

Дирижабль, действительно, падал медленно. Куда медленнее, чем хотелось бы, и медленнее, чем должен был по законам физики. В обоих его бортах зияли внушительные пробоины, через них гелий должен был давно выйти без остатка. Но этого не происходило, дирижабль не терял ни формы, ни объема. Стакер забеспокоился, но не знал, в какую словесную форму облечь это беспокойство, чтобы, по возвращении на базу, не загромоздить на обследование в психушку. Они с Донаваном, круг за кругом совершая облет цели с левой циркуляцией, попросту жгли керосин, а запасы топлива не были безграничными.

– Добавим! – приказал Стакер. – А то и к обеду не успеем.

Они с Донаваном заложили два симметричных виража, встали в боевой строй, и устремились к цели, чтобы добить ее.

– Я лучше останусь без медали, чем без завтрака, – произнес Стаккер.

Но в стеклянной башне командно-диспетчерского пункта о еде никто не думал. Полковник Сависки принимал доклады с радаров наземных служб, находясь в крайней степени замешательства.

– Какого долбанного хера они там вытворяют? – наконец озвучил он мучавший его вопрос.

Майор Говард глянула на него искоса, но не из-за ругательства. Она хоть и принадлежала к женскому полу, но не считала оскорблением в свой адрес крепкие словечки мужчин, которыми и сама не брезговала. Просто она не знала, что ответить. Поведение летчиков ее самую ввергало в недоумение. Во-первых, после сообщения о поражении цели они больше ни разу не выходили в эфир. Теоретически у одного из пилотов могла отказать рация, но чтобы у обоих – немыслимо. Во-вторых, не смотря на сообщение о попадании, цель продолжала следовать прежним курсом и быстро набирала высоту. Пройдя отметку в тридцать пять тысяч метров, дирижабль давно вышел из зоны действия истребителей, но пилоты не предпринимали ни попыток вернуться, ни как-то объяснить свои действия. Они описывали круги большого радиуса, не делая больше ничего. В-третьих, времени уже прошло изрядно, топливо кончалось, а отметка, после которой его не хватит на возвращение, приближалась.

– Это гребанное НЛЮ, – высказала предположение Говард. – Рекорд высоты для дирижаблей что-то около семидесяти тысяч футов. А эти уже выше двадцати миль поднялись. И Стаккер... Он опытный пилот. Мне кажется, оба пилота не в себе.

– Замечательно! – Сависки не стал больше сдерживать эмоции, и шарахнул ладонью по краю радарного пульта. – Мне только гребанных во все отверстия инопланетян не хватало! Если истребители не вернутся на базу, начальство с меня спустит шкуру, затем надеет мне ее наизнанку, задом наперед, и вверх ногами. Так, что у меня хер на лбу окажется, а ходить мне придется на руках, жопой кверху.

– Если уж кого и выдолбают во все отверстия, так это меня, – хмуро заметила майор. – Хотя бы потому, что за безопасность полетов я отвечаю. Херово, когда все понимаешь, а сделать ничего не можешь.

Они попытались снова вызвать летчиков, но в эфире никто не отвечал.

Тем временем Стаккер и Донаван продолжали делать свою работу. Проносясь над дирижаблем, они отстреляли в него весь боекомплект из пушек, размолотив обшивку так, что стали видны внутренности воздушного корабля, заполненные разорванными тросами и искореженными растяжками. Но, лишившись всей верхней части, дирижабль не только не рухнул, а замедлил снижение, и неподвижно завис на высоте около двадцати тысяч футов.

– База, я Танго первый, – вызвал Стаккер по рации. – Мы отстреляли все снаряды из пушек, но дирижабль продолжает оставаться в воздухе. От него остался почти один каркас с небольшими кусками обшивки, а он не падает... В это трудно поверить, но это так.

– Все нормально! – ответил в эфире спокойный голос полковника. – Вы столкнулись с инопланетным кораблем, замаскированным под дирижабль. Продолжайте его уничтожение. В эфире меня сменит майор Говард, она больше осведомлена о происходящем.

– Какие гребаные инопланетяне? Вы серьезно?

– Более чем, – голос в эфире сменился на женский. – У нас есть сведения, что вам необходимо уничтожить дирижабль полностью, так как сам инопланетный корабль находится внутри, и оснащен антигравитационным двигателем. Только разрушив оболочку и каркас дирижабля, вы сможете поразить корабль. Можете применять ракеты.

– Принял! – ответил Стаккер.

– Это охренеть не надо! – раздался голос Донавана. – Ради такого я готов пропустить и завтрак, и обед.

– Ни хера мне это не нравится, – выразил свое мнение Стакер.

Он чуть сбросил скорость, чтобы не рвать себя и машину слишком высокими перегрузками на виражах.

Грохот самолета, пронесшегося над дирижаблем, разбудил Рихарда Шнайдера.

– Твою мать! – Шнайдер вскочил с кровати. – Так и думал, что этим кончится!

– Чем? – Кроссман лениво открыл глаза.

– Ты не слышал, что ли? Истребители! Завалят нас, на хер!

– Это вряд ли, – Кроссман спокойно поднялся, и принялся одеваться. – Кому надо нас валить? Заставят сесть, завернут нам ласты, тебя отправят обратно в тюрьму, меня в Лэнгли, пытать пентаталом...

– Охрененная перспектива, старик! Всю жизнь мечтал! На кой хрен Хокудо вообще замутил с этим дирижаблем? Его же видно на всех радарх! И сбить можно хоть из рогатки.

– Из очень мощной рогатки, – уточнил Кроссман. – Не бузи. Хокудо не идиот. Он знает, что делает.

– Я бы тоже предпочел знать!

Не успели друзья одеться, как включилось переговорное устройство, и кто-то на очень плохом английском попросил отворить дверь.

– Сейчас, сейчас! – запутавшись в рукавах рубашки, ответил Шнайдер.

Кроссман открыл дверь. Японец в униформе сообщил, что проводит гостей в кабинет мистера Хокудо, где состоится совет по планированию.

Раздался рев реактивных двигателей и свист истребителей, рассекающих воздух плоскостями. Пол под ногами едва заметно качнулся. При этом лицо японца, стоящего за порогом, не выразило никаких эмоций.

– Забавно, – произнес Томас. – С нами даже советуются. Вот, хотел знать о планах Хокудо, он великодушно решил тебе их изложить. Лично.

– Доверяй, но проверяй, гласит поговорка. А у нас нет возможности проверить его заявления. В этом беда.

– Ты его не знаешь, а бочку катишь, – с укором ответил Кроссман. – Ты с ним мало общался, а я три дня. И понял одну важную вещь. Хокудо никогда не делает голословных заявлений. Он всегда приводит либо очевидные доказательства, вроде летающей ложки, либо дает отсылку к уже имеющейся у тебя информации. Так что ты остынь, дорогой друг. Давай выслушаем, что скажут, посмотрим, что покажут, а затем сделаем выводы.

Они покинули каюту, и, в сопровождении японца, отправились по коридору.

– Большой дирижабль, – произнес Шнайдер. – И много полезного пространства. Тут для полостей с газом попросту места нет.

– Да. Но три дня общения с мистером Хокудо почти избавили меня от возможности испытывать удивление, – ответил Кроссман.

– Я его несколько часов знаю. – Шнайдер усмехнулся. – И то очень близок к твоему состоянию.

Снаружи снова пронеслись истребители, но заметно дальше от дирижабля.

– Твой носовой сектор, – дал указание Стакер, удерживая в прицеле остатки хвостовой части дирижабля.

Он выпустил две ракеты класса «воздух-воздух», после чего крутанул бочку, и с крутым виражом ушел вправо. Донаван глянул на ведущего – за его крыльями остались следы пара в областях разрежения, что говорило о приличных перегрузках в кабине. Сам он их испытывать не хотел, поэтому, выпустив ракеты, плавно выбрал ручку управления на себя. Ракеты разорвались уже внутри основной полости дирижабля, воспламенив внутренние кон-

струкции. Хвостовую часть тоже разнесло двумя взрывами. На миг видимость стала нулевой – самолет Донована промчался сквозь облако дыма. Когда видимость восстановилась, ведомый вызвал ведущего.

– Все, пипец ему, Танго первый.

– Та ни хера... – раздалось в эфире.

Донован удивленно обернулся, заводя самолет в широкую дугу во избежание излишних перегрузок. Но то, что он увидел, не вязалось со здравым смыслом. Остатки каркаса, на который когда-то была натянута обшивка дирижабля, разваливались, пылая и оставляя клубы черного дыма. Они медленно падали вниз, обнажая длинную сигарообразную конструкцию цвета шкуры молочного поросенка. Через минуту удивленным взглядам пилотов предстал висящий в воздухе огромный мужской половой член с оголенной головкой и морщинистой волосатой мошонкой. Выглядел детородный орган настолько реалистично, что Донован помотал головой.

– Танго первый, Танго второй, доложите результат отстрела! – раздался в эфире голос майора. – Вы оголили корабль пришельцев? Что вы видите? Доложите немедленно!

– Здоровенный болт висит в воздухе! – сдавленным тоном ответил Стакер. – В смысле, хер. Ну, член мужской, половой, одна штука. Эрегированный. Толщиной около тридцати футов.

– Головка оголена? – уточнила майор.

– Да.

– Тогда немедленно катапультируйтесь! Немедленно, это приказ! – прокричала в эфире майор.

Тут же заглох двигатель. Стакер бросил взгляд на самолет ведомого, но тот тоже падал. Из его двигателя валил густой черный дым.

Не раздумывая более, Стакер рванул рычаг катапульты.

Шнайдер и Кроссман к этому времени добрались до двери кабинета Хокудо. Сопровождающий связался с хозяином переговорного устройства, после чего дверь открылась. Кабинет был залит солнцем, через широкое окно было видно, как довольно далеко на востоке падают, сорвавшись в штопор, два совершенно исправных истребителя, а над ними распускаются два парашютных купола.

Кроссман и Шнайдер удивленно переглянулись. В кабинете, кроме мистера Хокудо, оказался еще один человек, это был мужчина немногим старше Кроссмана, явно не саксонской наружности. Причем, Хокудо и незнакомец вели себя совершенно по-приятельски, стояли у окна, громко хохотали, как школьники, и попеременно тыкали пальцами в снижающихся парашютистов.

– Член? – заливаясь смехом, уточнил Хокудо. – Нет, ты серьезно? Реальный писюн им показал? Я всегда был уверен, что у русских лучшее в мире чувство юмора.

– Хотите глянуть?

– На летающий хер? Нет, спасибо! Поверю на слово! Мистер Шерстюк, вы, как всегда, великолепны.

– Я не только ради смеха так поступил, – уже серьезнее произнес Шерстюк. – Нужно думать о будущем. Вам ведь надо выйти на разрешенный воздушный коридор, чтобы никто вас ни в чем не заподозрил. А теперь представьте, что будет с пилотами, когда они положат рапорты на стол начальству.

– С хером! – Хокудо смахнул пальцем наворачнувшуюся от смеха слезу. – Рапорта с хером! Нет, не могу... Их в психушку заберут.

– Именно. И вычтут стоимость истребителей из зарплаты.

– А переговоры в эфире?

– Не было никаких переговоров. Последнее, что слышали на базе, это доклад об успешном поражении воображаемой цели. Остальное я пилотам внушил. Все, что с ними происходило в радиусе двадцати километров от нас, является порождением моего намерения и плодом их воображения.

– Но летающий писюн... – Хокудо снова прыснул смехом.

– Это была импровизация. – Шерстюк развел руками. – У нас, у русских, есть выражение «хрен по всей морде». Оно означает, по смыслу, примерно то же, что дырка от пончика, но образно описывает многократное прикосновение писюном, как вы выразились, к лицу.

– А-ха-ха! – Хокудо снова смахнул слезы с глаз. – И ты решил это русское выражение воплотить в иллюзорной реальности бедных пилотов? Я знал, мистер Шерстюк, что вы не любите американцев, но чтобы настолько. Впрочем, я сам их не люблю, после ряда событий.

– Мы, между прочим, американцы, – подал голос Шнайдер.

– Ах, простите, господа! – Хокудо развел руками и двинулся навстречу гостям. – Очень надеюсь, что вы не долго будете испытывать гордость от своего национального происхождения. Тюрьмы вам мало?

– Нет, достаточно, – ответил Шнайдер.

Он поспешил протянуть руку Таидо, но тот от пожатия воздержался, не сумев скрыть едва заметной брезгливости на лице.

«Значит, прослушка была, – подумал Рихард. – Узкоглазый хрен знает, что мы вместе с Томасом мокли под душем».

– Это мистер Олег Шерстюк, – представил мужчину Таидо. – Русский, но хорошо говорит по-английски.

– Мы уже частично знакомы. – Кроссман кивнул.

– Да, он участвовал в операции по вашему освобождению, – подтвердил японец. – А это мистер Рихард Шнайдер, глава «Реликт Корпорейшн» и первооткрыватель реликта.

Шерстюк кивнул.

Параюты за окном сделались совсем крошечными, приближаясь к белоснежным клубящимся облакам.

– Приступим к делу! – Таидо откинулся на спинку кресла. – Для начала мне бы хотелось оговорить главное. Думаю, господа Кроссман и Шнайдер понимают, что им оказана услуга.

– Да, – одновременно ответили американцы.

– Хорошо. Тогда главный вопрос – это вопрос о цене этой услуги. Вы, наверное, решили, что я попробую отнять у вас приоритет первооткрывателей, или обложить вас данью. Ничего этого я делать не собираюсь. Мне нужно всего две вещи. Первая вполне понятна. Я хочу, чтобы моя корпорация стала приоритетным партнером «Реликт Корпорешн».

– Что это значит? – решил уточнить Шнайдер.

– Это значит, что будет выдан единственный в мире патент на создание любых технологий, использующих реликт. Только нам, и никому больше. Все остальные смогут использовать лишь готовые устройства, выпущенные либо силами «Реликт Корпорешн», либо силами «ХОКУДО». Разрабатывать что-то на основе реликта, используя его известные свойства, или которые откроют позже, смогут только две наших компании. Кроме того, вы нам будете поставлять столько реликта, сколько нам потребуется.

– В каком виде? – спросил Кроссман.

– Я понятия не имею, в каком виде вы его получаете, – признался Таидо. – Все, что моим людям довелось исследовать, это готовые формы, изменить которые не представляется возможным. Но раз вы можете отливать подобные формы, значит, вы получаете реликт в жидком виде, или у вас есть способ сделать его жидким.

– Мы получаем его в жидком виде, – подтвердил Кроссман. – Но вещество остается таким всего несколько минут. Потом оно самопроизвольно твердеет, и с ним уже ничего нельзя сделать. Таким образом, в неограниченных объемах, мы сможем поставлять только готовые детали по вашим формам. Иначе невозможно физически. Да и то, неограниченными их можно назвать лишь условно. Источник имеет диаметр всего около пятнадцати дюймов. Грубо говоря, нужно зачерпнуть вещество, залить его в форму, затем подать другую форму, и так далее. Даже с учетом скоростного конвейера, если нам удастся его установить, производительность не сможет быть очень высокой.

– Понятно... – Хокудо задумался. – Тогда для меня, тем более, нет смысла отбирать у вас источник. Раз у него, грубо говоря, ограниченный дебет, я не смогу вычерпать больше, чем вычерпаю с вашей помощью. С другой стороны, ограниченный дебет станет естественным регулятором цены на реликт, не позволяя ей опуститься. Поскольку себестоимость добычи, как я понимаю, нулевая, это позволит извлекать крайне высокие прибыли с каждого изделия.

– При ограниченном обороте, – добавил Шнайдер.

– Если чистая прибыль равна стоимости товара на рынке, низкий оборот мы как-нибудь переживем, – с улыбкой ответил Таидо. – Хорошо, договорились. Я буду поставлять вам формы, какие мне нужны, вы будете заливать в них реликт.

– Нас устраивает, – подтвердил Кроссман. – Какое второе условие?

– Это будет сложнее объяснить, и сложнее выполнить. Но для меня данное условие имеет решающее значение. Источники энергии на основе реликта не должны попасть в Африку. А еще лучше, если в Африку не попадет никакой реликт и никакие технологии на основе реликта.

Шнайдер присвистнул, наплевав на приличия.

– Почему именно Африку вы хотите исключить из оборота реликта? – решил выяснить Кроссман, с упреком покосившись на друга.

– У меня есть на это причины. – Мистер Хокудо высокомерно сощурился и чуть оттопырил губу. – Впрочем, раз мы партнеры, вам все равно надлежит это знать. Скажем так... Мне известно, что ситуация в Африке очень скоро изменится, что власть там захватят люди с весьма необычными способностями, которые даже без реликторных технологий могут представлять опасность для всего мира. А уж если им реликт предоставить, то нашему процветанию быстро придет конец. Более того, эти люди, как минимум двое из них, являются моими личными врагами, и виновны в увечьях моего сына. Я вынашиваю планы мести, не буду скрывать.

– Понятно. – Шнайдер задумался. – Ну, допустим, можно объявить Африку бесперспективным для нас регионом. Это сделать не сложно, особенно после запрета миграции и стремительного обнищания континента. Но ведь реликторы можно украсть. Вывезти контрабандой...

– Это не те объемы, которые могут нам навредить, – отмахнулся мистер Хокудо. – Главное, что не будет официальных поставок. Кстати... Я так понимаю, что ресурс реликтора неисчерпаем во времени. Можно его искусственно ограничить?

– Возможно, – ответил Кроссман. – Теоретически возможно, но мы не успели попробовать. Те реликторы, которые уже выпущены, в количестве девяти штук, представляют собой дармовые генераторы электричества с неограниченным ресурсом работы. По моей теории они преобразуют в энергию сам физический вакуум, и пока он есть во вселенной, реликторы будут работать. Но это касается девяти уже выпущенных. Все они конфискованы и находятся в распоряжении правительства. Если говорить о создании новых, я попытаюсь придумать устройство, прерывающее процесс генерации через какое-то время или после приема управляющего сигнала.

– Отлично, – мистер Хокудо кивнул. – Это было бы замечательно. Как для коммерческого использования, так и для моих планов. Собственно, других условий у меня нет. Моя корпорация будет самостоятельно реализовывать разработанные нами системы с использованием реликта, извлекая из этого прибыль. Причем, я даже не претендую на выяснение технологии производства источников энергии. Это будет вашей прерогативой, нам вы будете поставлять уже готовые. Нам этого хватит.

– Тогда по рукам, – уверенно заявил Шнайдер. – Вот только для реализации наших наполеоновских планов не хватает малости. Самого реликта. Источник под контролем спецназа. Даже если мы к нему пробьемся, это ничего не даст. Ну, черпанем один раз, потом нас все равно неминуемо вышибут оттуда.

– А это уже моя забота, – серьезно ответил Таидо. – Точнее мистера Шерстюка.

– Нужна карта местности, – впервые за время совещания подал голос Шерстюк. – Не только самого завода, но и в радиусе... Ну, наверно двадцати километров. Для гарантии. Так же мне желательно получить снимки заводских корпусов, как они расположены.

– Этого нет. – Шнайдер развел руками. – Недавно мы расширили территорию, чтобы источник оказался в пределах нашего ограждения. После этого мы ничего не фотографировали.

– Я могу предоставить самые свежие снимки со спутника, – продолжил мистер Хокудо.

– Хорошо... – Шерстюк задумался. – Поскольку источник имеет диаметр всего пятнадцать дюймов, мне нужно его точное положение на плане завода. С точностью как раз до этих пятнадцати дюймов. Мистер Шнайдер, какова по вашему мнению глубина источника?

– Точно сказать невозможно, но источник представляет собой вертикальную полость, заполненную жидкой субстанцией, не имеющей даже намека на силу выталкивания, вязкость, поверхностное натяжение. По сути, жидкий реликт ведет себя как вакуум, вообще никак не взаимодействуя с опущенными в него телами. Из какого бы материала они ни были изготовлены. Туда что дерево падает камнем, что кусок пенопласта, что кирпич.

– Кидали? – уточнил Шерстюк.

– Кидали, – Кроссман немного смутился, как мальчишка, которого застали возле окна женской бани. – Но мы и серьезно пытались исследовать. Опускали зонд длиной сто метров. Ушел беспрепятственно, дна не достиг. Вынули, он оказался покрыт микронной пленкой реликта. Так и застыл в виде бухты.

– Отлично! – обрадовался Шерстюк. – Превосходно! Значит, глубина полости не менее ста метров. Это решает массу проблем! Не придется строить второй завод!

– Что?! – хором спросили Рихард и Томас.

– А... – Шерстюк замялся. – Мистер, Хокудо, я могу ответить на этот вопрос?

– Валяй... – со вздохом ответил Таидо. – И давайте тогда вообще без секретов. А то запутаемся, что уже соврали, а что нет.

– Может, тогда и прослушку из нашей каюты убрать? – предложил Кроссман. – А то вы сегодня руку Рихарду не подали, а завтра в кабинет нам запретите входить.

– Понятно. – Хокудо нахмурился. – Хорошо. Партнеры, значит, партнеры. Но спектакль ваш удался, признаю. Меня чуть не вытошнило, когда я услышал ваши реплики и...

– Мы старались! – с веселой искоркой в глазах сообщил Шнайдер. – Давайте, правда, без дураков. Что вы собирались сделать с заводом?

– Мистер Шерстюк способен внушать любые иллюзии любому числу людей на дистанции около двадцати километров, – сообщил Таидо. – Он очень сильный суггестор.

– Шутите? – Кроссман сощурился.

Шнайдер тоже хотел что-то сказать, но не успел. Он ощутил себя падающим в серебристую пульсирующую бездну, зажмурился, снова открыл глаза, и с ужасом понял, что лежит на нарах в одиночной камере. Его тут же в холодный пот бросило. Он понял, что ему присни-

лась и записка, и невообразимый побег из тюрьмы, и совершенно немыслимый дирижабль с антигравитационным приводом, и десять минут, проведенных под душем с Кроссманом.

«Господи... – подумал он, понимая, что чуда не было и не будет. – Вот гадство!»

Шутка, которую выкинуло подсознание, создав подобное сновидение, показалась ему слишком жестокой. Впрочем, чего еще можно было ожидать? Бред ведь, с самого начала. Какой-то Хокудо, какой-то побег, какой-то дирижабль. И Кроссман в костюме с иголочки. Да. Бред.

Лязгнул, открываясь, электрический замок. Шнайдер вздрогнул, и снова зажмурился. Все повторялось. Ночь, бесконечные допросы...

– А ну подъем! – проревел охранник, заслонив собой проем распахнутой решетки. – Спать собрался? Не положено. Подъем!

Охранник с размаху шарахнул дубинкой по нарам. Шнайдер соскочил босыми ногами на ледяной пол.

– Выродок! – Лицо охранника побагровело от злости. – Все дерьмо из тебя вышибу!

И вдруг он словно с разбегу на столб налетел – замер на полуслове, а лицо его из бордового быстро стало чуть ли ни коричневым. Глаза закатились, изо рта пошла пена. Охранник сделал пару шагов назад, и рухнул на пол, дергаясь в конвульсиях. Послышался топот ног в тяжелых ботинках.

«Убьют», – с замиранием сердца подумал Шнайдер.

Но тут, совершенно неожиданно, прямо в стене, открылась непонятно откуда взявшаяся дверь. Не думая, Шнайдер проскользнул в темноту, и тут же зажмурился от яркого света.

– Все нормально! – услышал он голос мистера Хокудо. – Глаза можно открыть.

Шнайдер осторожно поднял веки. Через широкое окно в кабинете бил дневной свет, внизу клубились горы облаков, чем-то похожих на ярмарочную сладкую вату из детства. Рядом на диване сидел Кроссман, вид у него тоже был ошарашенный до предела.

– Достаточно достоверная иллюзия? – сухо спросил Шерстюк. – Это была, можно сказать, лайт-версия. Полную я продемонстрировал пилотам истребителей, которые собирались нас сбить. На всю жизнь запомнят, без всяких сомнений.

– Охренеть, – не без труда произнес Рихард. – Но как, черт возьми?

– Мистер Шерстюк пятнадцать лет назад стал жертвой воздействия аномалии, – ответил Хокудо. – Вроде той, которая породила реликт. Впрочем, «жертва» не очень подходящее слово. Скорее ему повезло. В результате он приобрел столь удивительную и очень полезную способность. Дело происходило в России, господин Шерстюк был молод, не очень дальновиден, и попал в руки спецслужб. К счастью, информацию о нем я получил раньше, чем произошла беда. Я приложил некоторые усилия для разрешения конфликта, после чего мистер Шерстюк с женой приняли мое приглашение, и гостят у меня пятнадцатый год. За это время мы подружились, много каких услуг оказали друг другу. Понятно, что без него мы не сможем решить поставленные перед нами задачи. А с ним справимся, думаю.

– Лихие повороты, – прокомментировал Шнайдер. – Но чем нам может помочь его способность к внушению? Он внушит нам, что мы вернули себе источник, и купаемся в роскоши?

– Могу и это, если вам так будет легче... – пробурчал Шерстюк.

– Напрасно иронизируете, – ответил Таидо. – Мы не знали, где точно расположен источник, и на какую глубину он уходит. Поэтому, поначалу, взяли за рабочий вариант самую худшую из возможных ситуаций – предположили самое поверхностное залегание. Мистер Шерстюк предложил построить рядом с вашим имеющимся заводом его копию, затем перевести туда охрану...

– Вы в своем уме? – Шнайдер глянул на мистера Хокудо, как на сумасшедшего, с опаской. – Как можно незаметно, под носом у противника, построить целый завод?

– Запросто, – спокойно ответил японец. – Вы только что имели возможность убедиться в способностях мистера Шерстюка. Он может что угодно скрыть от любых глаз, даже полномасштабное строительство. И вынудить персонал перейти с одного места на другое. Причем, все будут уверены, что просто в туалет сходили, или съездили пообедать. Для него это не сложно. В общем, мы хотели построить второй завод, выдать его за настоящий, а настоящий, вместе с источником, скрыть.

– Но это потребовало бы от меня очень больших усилий, – признался Шерстюк. – Дело не в сложности иллюзий, а в длительности их удержания. Фактически, мне пришлось бы около месяца контролировать реальность большого количества людей. Но, поскольку реликт залегает глубоко, это очень упрощает нашу задачу. Мы не будем переносить завод, но выкопаем на приличной глубине тоннель, незаметно для всех, и будем черпать реликт из шахты. Так у меня уйдут силы только на время обустройства тоннеля, чтобы никто не заметил вибраций и шума, чтобы никто не наткнулся на горы вынутой породы. Потом будет проще. Мы замаскируем вход под частное домовладение, и сможем черпать столько реликта, сколько понадобится. Там есть ранчо, выставленное на продажу. Какое-то время назад его владелец пытался выращивать шампиньоны в штольнях под домом, но дело не задалось.

– Когда все будет готово, и мы получим доступ к реликту, в игру вступлю я со своей корпорацией. – сообщил Хокудо. – Мы с вами заключим договор, согласно которому я получу право производить реликт по вашей технологии. Точнее мы всех убедим, что вы передали мне право синтеза нового вещества. На самом деле мы будем делать детали из него прямо на месте, в штольнях под ранчо. Вы этим будете заниматься при содействии мистера Шерстюка. Американское правительство не сможет обойтись с моей корпорацией так же вульгарно, как обошлось с вами. За то время, пока они будут думать, как поступить, мы внедрим столько разработок, что от них человечество уже не сможет отказаться. Мировое сообщество поставит США перед фактом, что реликт является достоянием всего человечества, а не одной страны.

– Мы тоже тешили себя подобными иллюзиями, – без энтузиазма ответил Шнайдер. – Думали, сейчас дадим военным броню, и они нам обеспечат комфортные условия для работы и дальнейшего развития. Дудки. Они нас повязали, и решили тупо выбить секрет. Если бы не вы, им бы это, со временем, удалось.

– Но вы не думали, что между мной и вами есть существенная разница в социальном и финансовом статусе? Я решил ваши текущие проблемы, которые для вас казались неразрешимыми. Попробуем решить и другие, оказавшиеся вам не по зубам.

– Звучит хорошо, – согласился Шнайдер. – Есть смысл попытаться. Все равно терять уже нечего.

Глава 3

В которой армия США бросает вызов господину Хокудо, но тот не сдается, а принимает его, и ставит во главе обороны Ичина.

Войска национальной гвардии начали стягивать к нью-йоркскому офису корпорации примерно к трем часам ночи. Сначала дорожная полиция перестроила светофоры, и начала отводить транспорт от прилегающих кварталов, затем на грузовиках привезли турникетные ограждения, и перегородили ими часть улиц. В воздухе появилось два вертолета, кружащих над Манхэттенем. Несколько черных автобусов припарковались на огороженных улицах, из них слаженно высыпали бойцы национальной гвардии, облаченные в доспехи высшей степени противопулевой защиты. Большинство гвардейцев были вооружены штатным стрелковым оружием, но часть имела при себе снайперские винтовки, крупнокалиберные штурмовые ружья и даже противотанковые гранатометы.

Командование операцией поручили молодому полковнику Бенджамину Гатлингу по прозвищу Бен Ган, который отличился при штурме захваченного террористами торгового центра два года назад. В отличие от большинства руководителей его ранга, он не сидел за пультом управления в одном из автобусов, а старался лично проконтролировать все позиции, подбодрить бойцов, показывая, что тоже таскает на себе такое же, как у них, снаряжение. Его помощник, капитан Диксон, сын генерала, погибшего двадцать лет назад при загадочных обстоятельствах, едва поспевал за начальником, мучаясь от летней жары, накрывшей город не смотря на темное время суток. Когда выйдет солнце, будет еще хуже, но, согласно плану Бена Гана, все должно было закончиться до рассвета.

– Если нарвешься на журналистов, тверди про контртеррористическую операцию, – на ходу объяснял полковник. – Только не про арабов говори, а про корейцев. Мало кто из обывателей отличит на вид японца от корейца.

– А бойцы? – с недоумением поинтересовался капитан. – Им же придется вступить в непосредственный контакт с противником...

– Они подписали ознакомление с приказом о неразглашении секретной информации, поэтому никаких комментариев давать не будут. Если кому и придется отвечать на вопросы, то либо тебе, либо мне. Тверди о захвате здания, об угрозе взрыва. Может, свалят, и не будут мешаться под ногами.

– Тогда не лучше ли сразу объявить об угрозе применения химического или бактериологического оружия? – осторожно предложил капитан. – Это позволит эвакуировать жителей, снять охрану офисов, и делать, что нужно, не боясь огласки.

– Молодец! – похвалил полковник. – Далеко пойдешь. Свяжись с Пентагоном, сообщи информацию от моего имени.

– В каком виде?

– Ну... – Полковник задумался. – Скажи, разведка заметила на этажах небоскреба людей в противогазах. Быстренько, пошевелиятся.

– Ясно, сэр. Разрешите выполнять?

– Да. Чего морда такая довольная?

– Рад участвовать в операции, сэр! Рад надрать жопу япошкам за Перл Харбор.

– Ишь, ты! – Бен Ган рассмеялся. – За Перл Харбор... Ну, в общем-то, хорошая мотивация. А то угнездились тут, твари узкоглазые, пробашляли сенат, с самим президентом в гольф играют. На хер это все не нужно американскому народу. Так, капитан?

– Так точно, сэр! Пора заняться генеральной уборкой!

Охрана небоскреба объявила тревогу, едва на мониторах появилась легкая бронетехника и бойцы в тяжелой экипировке. К счастью, Ичин, занявший после выздоровления должность начальника службы безопасности американского филиала, дольше обычного провозился с настройкой новой системы наблюдения, а потому не поехал домой. Он проснулся от телефонного звонка, открыл лишенные ресниц глаза, и, схватив с тумбочки трубку, ответил на вызов.

После событий в Северной Африке выглядел он ужасно – обожженную кожу на лице и руках полностью пришлось заменить субстанцией, выращенной из его собственных стволовых клеток. С жизненно важными функциями этот биотехнологический протез справлялся прекрасно, но его эстетический вид был далек от совершенства. Поверхность головы и рук Ичина стала похожей на поверхность силиконовой маски темно-красного цвета, волос не осталось нигде, из-за чего Ичин стал похож на огромного злобного инопланетянина, какими их рисуют в дешевых комиксах. Если добавить к этому от природы суровый нрав, полное отсутствие страха, невероятную физическую силу, ловкость и скорость, то лучшего командира для корпоративных боевиков трудно было придумать.

После неудачи с Ганнибалом Мэтью, Ичин был готов сделать себе сеппуку, но, к его удивлению, Хокудо-сан не только принял его извинения, но и щедро вознаграждал верного сотрудника корпорации, рисковавшего жизнью и пострадавшего за ее процветание. В результате у Ичина отпала всякая необходимость заботиться о своем будущем в плане материального достатка, а его самурайская верность милосердному господину теперь и вовсе не знала границ. Это делало его незаменимым сотрудником, когда доходило до щекотливых дел, где важно было и результат получить, и огласки избежать, насколько это возможно.

– Да! – ответил Ичин в трубку. – Черт бы побрал этих долбанных гоядзинов! Всех, кто находится в офисе, вниз! Закрыть все двери на запоры из реликта! Уязвимые места блокировать реликтовыми щитами! Вооружить всех, кто может держать оружие! Немедленно! Главное, заблокировать первый этаж, чтобы не дать им возможность сходу ворваться в здание. Потом уже будем разбираться. Сообщите господину Хокудо. Нет, ему я сам позвоню. Все, работайте! А, нет! Еще часть людей на крышу отправьте, вооружите доспехами из реликта, и портативными зенитно-ракетными комплексами. Но без команды ракеты не применять!

Он ткнул пальцем в иконку отбоя, и тут же набрал номер Таидо Хокудо. Дождался, когда на другом конце ответят, и тут же произнес с поклоном, хотя его никто не мог видеть:

– Приветствую вас, Хокудо-сан! Простите за ночной звонок, но у нас чрезвычайная ситуация! События пошли по наихудшему сценарию из возможных. Да, национальная гвардия. Я уверен, что они готовятся к штурму. Что? Вы здесь? Понял! Буду незамедлительно!

Отложив телефон, Ичин быстро, по-военному, оделся в черную униформу с эмблемой на рукаве, покинул комнату, и быстрым шагом направился к лифту. Набирая номер главы корпорации, он и предположить не мог, что тот находится в небоскребе на Манхэттене, а не в своей загородной резиденции. Возможно, это было случайным стечением обстоятельств, возможно, нет, но, в любом случае, присутствие первого лица компании меняло всю картину.

Дождавшись лифта, Ичин шагнул в кабину, и, достав из кармана специальный ключ, активировал секретную программу управления, позволяющую лифту попасть в жилой сектор здания, надежно укрытый от посторонних глаз и от внешних воздействий.

Благодаря усилиям Шерстюка и финансовой мощи Хокудо, удалось всего за два месяца пробить почти трехкилометровый тоннель от ранчо на берегу реки до источника с реликтом. Проходческий щит гнали на убой, и после достижения расчетной отметки разобрали на утиль. Но этот аврал принес куда больше, чем на него было потрачено. Он принес жидкий реликт, который кардинально поменял многое.

В первую очередь, не без давления со стороны Ичина, реликт бросили не на коммерческие разработки, а на усиление собственной безопасности корпорации. Одной из мер стали несколько помещений небоскреба, со всех сторон защищенных реликтом. Перепланировка велась тайно. Щиты из реликта отливались в штольнях под выкупленным ранчо, потом доставлялись из Северной Дакоты в Нью-Йорк, и собирались внутри небоскреба при помощи крепежа, так же выполненного из реликта. В результате никаким воздействием снаружи капсулу вскрыть было невозможно. Даже термоядерный взрыв был бы полностью поглощен панелями, толщина которых не превышала миллиметра. Пластины можно было бы делать и тоньше, но это затрудняло бы их транспортировку и установку.

Одним из таких защищенных помещений стал жилой сектор небоскреба. И, как теперь стало ясно, усилия оказались потрачены не зря. Теперь достаточно привести в действие шлюз со створками из реликта, заблокировать ими лифтовую шахту, чтобы в убежище можно было укрываться, пока не иссякнут запасы пищи. Но никто не собирался этого дожидаться. Суть фортификации состояла лишь в том, чтобы безопасно дожидаться прибытия Олега Шерстюка, который был способен создать любую иллюзию для противника, под покровом которой можно было эвакуировать хоть весь персонал корпорации.

Ичин не раз думал, как бы развивались события, сели бы мистера Шерстюка привлекли к операции против Ганнибала Мэтью. Смог бы Ганни устоять перед подобным воздействием? Так или иначе, Хокудо-сан тогда не стал рисковать столь ценным и невозполнимым ресурсом. Ведь, никто не знал, чем оно могло закончиться. В результате пострадал Ичин, но разве не в этом состоит путь самурая? Разве не должен он жертвовать жизнью ради безопасности и процветания господина?

Двери лифта открылись, выпустив Ичина в защищенное пространство жилого сектора. После недавней перепланировки тут многое изменилось – бетонные стены, в которых больше не было нужды, сменили традиционные японские перегородки из дерева и рисовой бумаги. В пространстве лифтовой зоны разбили сад из вишневых и персиковых деревьев, освещенных специальными фитосветильниками. Они зажигались и гасли по специальной программе, имитирующей смены суток и сезонов, так как с возобновлением производства реликтов, которое в кратчайшие сроки наладил мистер Кроссман, недостатка в энергии не было.

За парком располагался защищенный офис главы корпорации, предназначенный для экстренных ситуаций, вроде сложившейся. Ичин остановился у двери и прижал клавишу переговорного устройства.

– Входи, – раздался из динамика голос Таидо.

Ичин отворил дверь, и переступил порог. В этом помещении, не смотря на свою должность, он бывал всего раза три. Да и сам Таидо им редко пользовался, предпочитая вести дела в старом кабинете, расположенном ниже защищенной зоны.

– Садись, – велел Хокудо, указав на диван у стены.

Напротив дивана, на стене, висел плазменный экран с двухметровой диагональю. На нем, без звука, шел телевизионный репортаж. Судя по освещению и нестабильной картинке, это был прямой эфир. Показывали здание небоскреба с вертолета, бронемашины национальной гвардии, тяжело экипированных бойцов, снайперов на крышах соседних зданий. Титры внизу экрана сообщали, что небоскреб захвачен корейскими террористами, а национальная гвардия готовится к штурму. Выступали эксперты, журналисты что-то объясняли, показывали трехмерные схемы, но и без звука было понятно, что все несут чушь.

– Придумали они складно, – с усмешкой оценил Хокудо. – Террористы нынче в тренде, на них что угодно можно списать. И причину для них выдвинули гениальную. Мол, они требуют отменить технологические санкции против Кореи. Как по нотам. Готовились.

– Но почему корейцы, а не арабы? – удивился Ичин.

– Стрелять-то бойцам нужно в нас, – рассмеялся Хокудо. – А мы на арабов не очень похожи.

– Не вижу в этом ничего забавного, – хмуро заметил Ичин. На его изуродованном лице эмоции читались с трудом, но они и так были очевидны. – Надеюсь, мистер Шерстюк не далеко?

– Мистер Шерстюк нам не поможет, к сожалению. В ближайшие два дня я не смогу его вызвать, он обеспечивает маскировку при погрузке большой партии реликтов и деталей на ранчо в Северной Дакоте.

– Два дня? – Ичин вздохнул. – Эти гребанные гвардейцы за два дня разнесут все, что не защищено реликтом.

– Я потому тебя и вызвал, что не знаю, как поступить. Понимаешь, если мы сейчас вызовем мистера Шерстюка, чтобы он обеспечил нам возможность безопасной эвакуации, мы поставим под угрозу тайну реликта. Не забывай, что Шнайдер и Кроссман ведут производство всего в двух километрах от завода, контролируемого АНБ. Стоит агентам что-то заподозрить, увидеть колонну грузовиков, услышать подозрительный шум, или что-то, в таком роде, они нагрянут, найдут тоннель, а потом и источник. От нашей легенды о производстве реликта по технологиям Шнайдера не останется камня на камне. И вся наша затея полетит к демонам в преисподнюю. Я не могу убрать оттуда мистера Шерстюка. Не могу! Так же, как не мог отдать тебе его тогда в помощь, с непредсказуемым результатом. Его надо беречь, понимаешь?

– Безусловно. – Ичин кивнул. – Я буду счастлив сгореть за вас заживо хоть еще десять раз.

– Поэтому я тебе и доверяю, – спокойно ответил Хокудо. – В общем, ситуацию я обрисовал. Что посоветуешь?

– Надо продержаться два дня? – Ичин пожал плечами. – Попробуем. Другого выхода просто нет.

– Почему же нет? – Хокудо хмыкнул. – Можно сдать. Точнее, спрятаться и пересидеть. Я вообще-то хотел твоего совета именно в выборе из этих двух стратегических решений. Если ты считаешь, что мы можем тягаться с национальной гвардией, армией и ВВС США, то это одно. Если не потянем двухдневную оборону, лучше тогда всех сотрудников переместить в защищенные реликтом помещения, и сидеть, два дня, подобно улиткам на склонах Фудзи.

С первой же колонной приедет мистер Шерстюк и выведет нас.

Ичин задумался.

– Есть ряд аспектов, – произнес он после паузы. – С одной стороны, спрятаться – это простое и максимально эффективное решение. Никто не пострадает. Гвардейцы возьмут небоскреб штурмом, все тут разнесут, но никто не погибнет, не попадет в заключение. Пока они будут искать способы взломать реликтовую броню, вернется мистер Шерстюк, и покажет им русскую маму, этого...

– Кузьмы, – подсказал Хокудо.

– Да. Кузькину маму. Вы когда мне рассказали, как он летчикам летающий хер показал, я потом неделю хохотал, при каждом воспоминании. Но если брать стратегический, а не тактический аспект, то нам лучше ввязаться в драку.

– Обоснуй. – Хокудо удивленно вздернул брови.

– Драки все равно не избежать, – уверенно заявил Ичин. – Американцы честно играть не будут. Они будут максимально долго стараться избежать широкой огласки самого факта открытия реликта и создания основанных на нем технологий. Огласка никому не выгодна, кроме нас. Для нас это реклама, да. Но представьте, что станет с нефтяным рынком, когда мы заявим о наличии у нас неисчерпаемого, безопасного, компактного источника безграничной

дармовой энергии, черпаемой из физического вакуума посредством реликтов. В любом случае будет война.

– Если это война со всем миром, то нам ее не выиграть. – Хокудо покачал головой. – Даже мистер Шерстюк не поможет.

– Наоборот. Весь мир окажется на нашей стороне, если мы крепко покусам бешеного койота, в которого превратились Соединенные Штаты. По всему миру уже на американцев возлагают ответственность за дестабилизацию Ближнего Востока, за финансирование и поддержку организаций, которые, получив такую поддержку, тут же становятся террористическими. Недавно Европа обвинила Америку в давлении по поводу миграционной политики, и не только отказалась принимать у себя мигрантов, но и стала депортировать их. От великой страны мало что осталось. Осталась только легенда о величии США.

– Ты предлагаешь открытый конфликт с целым народом? – поразился Хокудо.

– Нет. Американский народ тоже будет на нашей стороне, если мы отменим, к примеру, плату за электричество, начнем раздавать бесплатно остатки бензина, а имеющиеся автомобили, за разумную плату, переводить на питание от реликтов.

– Революцию предлагаешь? – заинтересовался Хокудо.

– Почему бы и нет? Сейчас ситуация для этого самая подходящая. И никто, кроме вас, Хокудо-сан, не способен ее реализовать. Воевать все равно придется. Но не с народом, а с правительством и армией. Они тупые, как бараны, они не понимают ничего, кроме права сильного. Придется накормить их этим правом по самые брови. Раз они сообщили, что здание занято террористами, а никого, кроме нас, внутри нет, значит, они нам не оставили выбора. Мы будем вести себя, как террористы.

– В чем-то ты прав. Знаешь, почему я сегодня ночевал здесь, а не в загородном доме?

– Наверное, предполагали нечто подобное.

– Верно. После вчерашней пресс-конференции, когда мы заявили о наличии у нас переданной Шнайдером технологии получения реликта, нас могли либо принять, в качестве монополиста, либо попытаться оспорить наше право. Соединенные Штаты – страна лицемеров, лжецов и трусов. Поэтому я готовился ко второму. Пойми, страна, гордящаяся победами дронов, а не солдат на поле боя, не одержавшая, со времен Вьетнама, ни одной военной победы, не способна ни на что, кроме удара кинжалом в спину.

– Ни одной? – Ичин удивился. – А Ирак?

– Ирак – это не военная победа. Это просто террористический акт в масштабах государства. Покидали бомбы, все взорвали, уничтожили инфраструктуру, государственность, тысячи мирных людей... И что в результате? Результатом военной победы, Ичин, является контроль над территорией, над экономической и политической структурой страны. Ни во Вьетнаме, ни в Ираке, ни в Ливии, ни в Афганистане, американцам не удалось этого сделать. Они не заняли там территорию, не установили на ней никакого контроля, не смогли создать нужную им политическую систему. Они просто все разнесли, к чертям, и ушли. А контроль над территорией там установили террористы, а не армия США.

– С этим трудно не согласиться... – Ичин кивнул. – И это облегчает нашу задачу. Если потомки самураев сталкиваются с толпой трусливых пастухов, кто победит?

– Ответ очевиден, пожалуй. К тому же, все имеющиеся у них средства они на Манхэттене применять не станут. Даже если проведут масштабную эвакуацию, что я вполне допускаю. К примеру, не думаю, что они будут нас бомбить на своей территории. Ты прав, социальная обстановка и так накалена. Многие уже знают об открытии реликта, из презентации Шнайдера и из моего вчерашнего выступления. Журналистам только дай возможность растащить жаренные факты...

– На журналистов я бы не стал надеяться на вашем месте, – произнес Ичин. – Тут свобода слова есть, только когда поносят русских, арабов или корейцев. Стоит накатить

баллоны на огрехи собственной власти, их хваленая свобода тут же заканчивается. Вспомните выступления чернокожих. Все поверят только в версию СМИ, так всегда было. А СМИ не встанут на нашу сторону, им власть этого не даст сделать физически.

– Конечно, не даст, – Хокудо улыбнулся. – Но ты сейчас навел меня на очень продуктивную мысль. Сейчас все верят в чушь про террористов, потому что верят информации из телевизора. Но когда в эфире выступлю я, и расскажу, что атака на наш небоскреб является попыткой рейдерского захвата реликторных технологий со стороны государства, все поменяется. Это уже не шутки. Я покажу им ряд известных экспертов, и они подтвердят мою версию. Я ударю по ним их же оружием – ложью. Не зря говорят, что война – путь обмана.

– Вам не дадут выйти в эфир, – Ичин покачал головой. – У нас нет передатчика должной мощности, а если бы был, его бы все равно заглушили. К тому же, вы не сможете выйти к экспертам, а экспертов не пустят сюда.

– Ты узко мыслишь. – Хокудо широко улыбнулся. – Поэтому ты работаешь на меня, а не я на тебя. Нам не нужен передатчик, чтобы выйти в эфир. Нам не нужны эксперты, чтобы показать их на главном канале в прайм-тайм. Нам нужен только мистер Шерстюк, который в радиусе двадцати километров создаст у половины города иллюзию, будто они смотрят нужную нам телепередачу. Видят боги, я хотел все решить по-хорошему. Но, раз нет, значит, нет. Я им устрою такой эфир, что вся страна погрузится в панику и хаос. А мы будем висеть над страной, на высоте десяти километров, и ждать, пока нас станут готовы выслушать. И примут наши условия. Но до этого времени нам надо продержаться. Два дня. И это твоя работа.

– Да! – Ичин воодушевился. – Мы справимся. У нас есть небольшой арсенал, легкие зенитные и противотанковые средства. У нас есть броня, покрытая слоем реликта.

– И у нас есть десять экзоскелетов, сделанных целиком из реликта, работающих от энергии бортовых реликторов, – напомнил Хокудо. – Техника непривычная, я понимаю. Но сейчас для нее самое время. Ты молодец, что отговорил меня от продажи реликта военным. Пока ситуация не уравновесится, ключевые военные технологии, такие как броня и компактные реликторы, должны быть только у нас. Иначе сегодня нам бы самим пришлось столкнуться с этим по другую сторону баррикад. Но благодаря твоей настойчивости преимущество реликта есть только у нас. Ты молодец. Но должен знать еще об одной важной вещи, которую пока не учел.

– Слушаю!

– В тайне ото всех мы с Кроссманом несколько модифицировали наш дирижабль. Раньше он не мог в воздух подняться без мистера Шерстюка. Точнее мог без него двигаться только по согласованным маршрутам, а любое отклонение могло стать последним, если бы нас атаковали с дистанции более двадцати километров. По счастью, до такой атаки дело не дошло, но могло.

– Вы покрыли все детали дирижабля реликтом?! – догадался Ичин.

– Да, закончили всего два дня назад. Но не только. Мы там еще устроили оружейную палубу, оснащенную десятью рельсовыми орудиями, по пять с каждого борта.

– Рельсовыми? – Ичин рот раскрыл от удивления. – Впрочем, почему бы и нет? Они ведь давно разработаны, как и экзоскелеты. Просто они требовали очень мощных источников энергии, которых не было до создания реликторов.

– Вот именно. Эти рельсовые пушки, мы их испытали при пролете над Антарктидой, разгоняют снаряд весом сто граммов, до скорости пятнадцать километров в секунду. Можно прицельно лупить на сто километров по баллистической траектории, и на пятьдесят прямой наводкой, если с воздуха. И взрывчатка не нужна, так как на такой скорости материал снаряда и мишени превращается в раскаленную плазму при попадании. Говорю, я предполагал, что наше вчерашнее выступление приведет к серьезным событиям. В общем, дирижабль

тоже учитывай. Он полным ходом движется из Антарктики к нам. Сейчас он примерно над Южной Каролиной, и к полудню уже будет над Манхэттенем.

– Ну и ну! Еще бы мощные лазеры! Тогда бы и снаряды не кончались никогда!

– С лазерами не так просто, – Хокудо развел плечами. – Но токийский отдел над ними работает. Просто там надо подобрать максимально эффективное рабочее тело, которое бы не изнашивалось, и систему фокусировки, тоже долгоиграющую. Иначе смысла нет. Источник энергии вечный, по сути, а линзы на десять выстрелов. Так что пока пользуйся рельсовыми орудиями. К каждому по десять тысяч стограммовых снарядов и компьютерная система наведения.

– Ха! – Ичин с каждой минутой воодушевлялся все больше. – Я никак не могу привыкнуть оперировать такими средствами, как идеальная броня и абсолютный источник энергии. Теперь ведь дирижабль и радаром невозможно засечь!

– Конечно. Покрывие из реликта поглощает любую энергию, кроме инфракрасного и оптического диапазона. В том числе и луч радара оно поглощает на сто процентов. Сбить дирижабль тоже не из чего нельзя, хоть атомной ракетой по нему пали. Он весь, целиком, без остатка, покрыт реликтом. Так что иди, командуй!

– Есть! – Ичин поднялся с дивана, покинул кабинет, и поспешил вниз, выполнять указания.

Заказчики предстоящего штурма, да и командиры спецназа, прекрасно понимали, что им придется действовать не против кучки арабов с поясами смертников и автоматами Калашникова, а против одной из самых мощных на Земле корпораций. Поэтому к зданию со всех сторон подтянули бронетехнику, а высоко над домами, то и дело заставляя вздрагивать стекла, проносились реактивные самолеты.

Ичин понимал, что сейчас это на руку его господину. Чем больше шума получится устроить сегодня и завтра, чем больше разрушений будет произведено на Манхэттене, тем больший вес будет иметь иллюзия с выступлением Хокудо в эфире. Власть сама покажет свое истинное лицо, даже подтасовывать ничего не придется.

Ичин сверился с обстановкой за пультом наружного наблюдения, к мониторам которого были подключены два десятка камер. Затем спустился на два уровня, в арсенал. Там развивалась кипучая деятельность – бойцы штурмовых групп, у каждой из которых имелась четко определенная планом функция, облачались в броню нового типа. Сделана она была из тонкого, почти невесомого пластика, но покрыта десятимикронным слоем измененного реликта, поглощающего любую приложенную к нему энергию без остатка. Она не стесняла движений, но пробить ее было невозможно, она могла выдержать хоть попадание оружейного снаряда, хоть встречу с астероидом, летящим на космической скорости. Шлемы бойцов так же были покрыты реликтом, включая лицевые щитки из прозрачного пластика. К сожалению, сколь бы ни был тонок слой защитного вещества, он все равно не пропускал свет, а потому, чтобы добиться обзора, Кроссман придумал наносить реликт на прозрачные поверхности мелкой ячеистой сеткой. Идея оказалась весьма продуктивной – через такую защиту можно было без затруднения смотреть, а пробить ее было не проще, чем монолитный слой.

Глава 4

В которой Ичин использует для обороны корпоративного небоскреба принципиально новые средства ведения боя, основанные на применении реликта.

Кроме абсолютно непробиваемой брони, имелось в арсенале «ХОКУДО» и нечто еще более весомое – десять экзоскелетов, выполненных полностью из реликта, приводимых в движение мощными электро-гидравлическими приводами, черпающими энергию от портативного реликтора. Двухтонные бронекожухи, или, скорее, двуногие шагающие бронемашини, не были, в полном смысле этого слова, экзоскелетами. Экзоскелет предполагает конструкцию, просто усиливающую мышцы и кости оператора. С шагающими техно-монстрами дело обстояло совсем иначе. В первую очередь, это была броня, продуманная таким образом, чтобы любое внешнее воздействие натывалось на непреодолимый реликт. Во вторую очередь, это было транспортное средство, обладающее неограниченной дальностью хода и неограниченным ресурсом работы. В третью очередь, это было устройство, способное оказывать мощнейшее механическое воздействие на все, с чем соприкасалось. В таком бронемехе можно было без особого труда расколоть бетонную стену, швырнуть в противника припаркованный автомобиль, если его масса не превышала полутора тонн, или несколькими ударами ноги перебить опору моста. По первоначальной задумке бронемех хотели оснастить ракетным и пулеметным вооружением, но затем отказались от этой идеи. Реликт, своими свойствами, диктовал новую тактику ведения боя.

Пулеметы и ракетные установки были ограничены в применении емкостью боезапаса, тогда как сам бронемех имел неисчерпаемый ресурс прочности и хода. Какой смысл было вешать на него пулемет, у которого патронов хватит на полминуты? Никакого. Поэтому эти устройства решили вообще не оснащать ракетным и огнестрельным оружием. Вместо этого Ичин предложил вооружить их отлитыми из реликта мечами. Такой клинок, имея абсолютную прочность, не мог сломаться или затупиться. Его, теоретически, можно было сделать сколь угодно тонким, и соответственно, сколь угодно острым. Не на молекулярном даже уровне, а на атомарном.

Все упиралось в технологию. Самостоятельную тонкую пленку из реликта сделать не получалось, он тек из ковша струей, и налипал на любую поверхность микронным слоем, после чего застывал навсегда. Тогда Кроссман предложил использовать атомарный каркас из графена. Этот вид графита состоит из единственного атомного слоя, а потому, если опустить его в жидкий реликт, можно было получить пластину толщиной меньше двух микрон, да еще и заостренную по центру, за счет слива лишнего реликта с пластины до затвердевания. Когда режущую кромку полученного клинка исследовали на электронном микроскопе, оказалось, что на сходе она имеет толщину меньше теплового радиуса любого атома. Это было невероятно, и говорило об отсутствии у самого реликта чего-то похожего на квантовую структуру. Возможно, новое вещество вообще не состояло из атомов, а являлось интерпретацией чистой энергии, обличенной в массу через эйнштейновскую формулу эквивалентности.

Таким мечом можно было рубить что угодно почти без усилия – хоть вязкую броню рассекать, хоть хрупкий алмаз рубить. При этом срез оставался идеальный.

К сожалению, поставить производство такого оружия на поток не вышло. Проблема упиралась в сложность изготовления самого графена. За отпущенное время удалось сделать всего два меча с режущей кромкой тоньше размера атома, остальным восьми операторам бронемехов пришлось довольствоваться мечами со сверхтонким полимерным каркасом и режущей кромкой толщиной около двух микрон. В броневом массиве толщиной более

трех сантиметров, двухмикронный клинок застревал. Зато без затруднений им можно было рубить обычное железо, сталь, кевлар, и любую защиту, слабее танковой.

Сразу после испытаний Ичин научился управлять самым мощным, созданным индивидуально для него, бронемехом. И, конечно, этот реликтовый механический монстр был оснащен клинком с субатомной режущей кромкой. Забравшись через люк в спинной части машины, Ичин опустил ступни на педали ходовых приводов, и зафиксировал голени мягкими кольцами. На лицо он надел шлем трехмерного видения, оснащенный двумя мониторами высокого разрешения, на которые транслировалось изображение с фронтальной бинокулярной камеры.

Датчики педалей улавливали движения ног во всех плоскостях, передавая импульсы на анализ в спинной предпроцессор, а оттуда в основной компьютерный центр с охлаждающим элементом из первородного необработанного реликта, имеющего температуру абсолютного нуля. В таких условиях удавалось полностью избежать теплового квантового шума даже при чудовищной плотности размещения элементов на кремниевой пластине, а так же избавиться от нагрева на любых режимах работы процессоров. Ичин подвигал ногами. Бронемех в точности повторил его движения, подав с компьютера управляющие токи на приводы гидравлических исполняющих механизмов.

Управление манипуляторами было организовано по другому принципу, вместо педалей использовались оптические датчики положения рук. Чтобы пользоваться системой, нужно было надеть специальные маркерные кольца на указательный и большой палец каждой руки. Справившись с этой задачей, Ичин опустил руки, и подал голосовую команду запуска обработки сигналов. Манипуляторы бронемеха дернулись, и, закончив калибровочный цикл, встали в то же положение, что и руки Ичина.

Те же действия совершили оператор девяти других боевых машин. В эфире раздались их доклады об успешном прохождении калибровки.

– Я Би Эм первый, – передал в эфир Ичин. – Доклады принял! Двигаем к грузовым элеваторам. Первичная задача – заявить имеющиеся у нас силы, чтобы остудить пыл противника. В бой без прямой команды не вступать ни при каких обстоятельствах! Ни при каких! Вы меня поняли?

Операторы бронемехов тут же отрапортовали о получении приказа, и, вслед за ведущим, направили машины к шахте грузовых элеваторов. Тяжелые ступни ходовых приводов, которые, казалось, должны опускаться с грохотом, почти не издавали звука. Реликт, из которого они были отлиты, поглощал всю кинетическую энергию соприкосновения поверхностей, не давая ей превратиться в акустическую волну. Каждый из двух элеваторов, рассчитанный на шесть тонн, мог спустить или поднять три бронемеха, поэтому спуск на минус первый этаж произвели в два захода.

На минус первом этаже располагалась так называемая «площадка». По сути, «площадка» объединяла в себе две функции. Одной была функция подземного гаража для всей колесной техники, включая как личный транспорт сотрудников, так и служебный, вместе с экспедиционными вездеходами и автомобилями корпоративных спецслужб. Второй функцией была функция транспортной развязки, распределяющей въезжающий и выезжающий транспорт по улицам Манхэттена через восемь портов въезда-выезда. Сразу после сигнала тревоги все порты были закрыты щитами с напылением из реликта, что исключало прорыв сил противника на «площадку», а с нее на ведущие вверх и вниз лестницы. Теоретически, взорвав стены, можно было обойти защищенные реликтом порты, но Ичин был уверен, что на такие меры власти решатся лишь в самом крайнем случае, так как повреждение несущих конструкций могло привести к обрушению всего небоскреба на близлежащие здания.

По большому счету, Ичин собирался вообще предотвратить штурм, продемонстрировав мощь бронемехов в качестве инструмента психологического подавления противника. Это могло сработать, могло не произвести должного эффекта, но попробовать стоило.

– Би эм первый диспетчеру! – произнес Ичин в микрофон рации. – Открывайте первый фасадный порт.

– Принял, выполняю! – раздался в эфире голос диспетчера.

Мягко разошлись запоры с реликтовым напылением, цепной привод утащил огромную заслонку порта вбок, открыв выход на улицу по пологому пандусу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.